

Круглый стол №3.

«Лоббизм в несырьевых секторах экономики: как есть и как должно быть»

[00:00:00] [Начало записи]

Толмачева И.В.: Добрый день. Я предлагаю начинать.

В этом году проходит очередной Московский экономический форум, который посвящен несырьевому будущему нашей страны, и следуя ключевому названию форума, ключевое слово сегодняшнего мероприятия – это тоже несырьевой, но уже лоббизм. Мы догадываемся, что у него есть некоторая связь, специфика. Об этом я предлагаю сегодня поговорить. Нас очень мало, давайте будем чувствовать себя, как дома. Я хочу здесь новых идей, предлагаю всем свободно высказываться.

Есть ключевые докладчики, они сядут рядом со мной. Они могут себе позволить растянуть на 15 минут выступления, а потом будут вопросы и возможность высказаться из зала.

Также я хотела бы обратить внимание, что сегодня есть смысл поговорить о том, какое будет ближайшее будущее лоббизма в связи с появлением в пространстве Открытого Правительства и его идеологии.

Кроме того, предлагаю обсудить возможность консолидации лоббистского сообщества, его плюсы, плюсы консолидации, минусы консолидации, проблемы, задачи.

Иван: Доброе утро, коллеги. Простите, если сейчас буду говорить не то, что вы хотите услышать. Я же не консультант, не проводил никаких исследований, не аналитик, могу говорить только об опыте компании, где я работаю. Я из фармацевтического рынка, немецкий фармацевтический бизнес, компания «STADA», с большими производственными мощностями в России, и самый большой иностранный инвестор в российской фармацевтике.

[00:05:11]

В том числе, всего этого очень много, имеющего вопросы для обсуждения с органами исполнительной и законодательной власти. Я директор Департамента внешних связей, то есть ко мне относятся вопросы, связанные с взаимодействием с государственными органами области.

Как с моей точки зрения все это выглядит сейчас? Не обижайтесь, если я буду говорить плохо про Открытое Правительство.

Реплика: Можете даже говорить отвратительно.

Иван: В целом, с точки зрения игрока с фармацевтического рынка сейчас те элементы, которые у нас появились во взаимодействии с органами государственной власти, в частности механизм оценки регулирующего воздействия, в частности появление Открытого Правительства, как инструмента, в целом, сильно усложнили достижение результатов в нашей работе. Объясню почему.

Скажем, в самые последние 9 лет, которые я нахожусь на этой должности, все существенные результаты и решения, которые мы пытались провести и которые были проведены, были проведены только потому, что они представляли из себя поручения в адрес ФОИВов со стороны очень узкого круга лиц в Белом доме. Попытки коммуникации и постоянные коммуникации через существующие легитимные инструменты, через

профессиональные сообщества (например, в отрасли 12 профессиональных ассоциаций, мы члены в четырех из них, все ассоциации ежедневно что-то пишут), попытки коммуникации через механизм Открытого Правительства, через экспертные советы при министерствах, создают необходимость генерировать гигантский объем документов, съедают гигантское количество времени, потому что достижение договоренностей внутри сообщества само по себе непростое, компании разные и разные интересы. Результат у этих документов нулевой. То есть должностное лицо в министерстве, получив документ, говорит: «Спасибо. Я должен был спросить ваше мнение. Спросил, теперь пойду поработаю». Я утрирую, но все сводится к этому – «Я пойду поработаю». Что он пойдет делать? Он пойдет исполнять поручение, от неисполнения которого зависит его в дальнейшем аппаратная жизнь. Нет поручения – нет действия.

Приведу простой пример, он уже старенький, поэтому могу о нем открыто говорить. Еще 3,5 года назад экспорт лекарств из России был запрещен на уровне закона. Несмотря на слова «русский технологичный экспорт», про развитие сырьевых отраслей закон запрещал экспорт лекарств, которые продаются здесь. Готовит Минздрав новый Закон «О получении лицензий», 61-й ФЗ. Мы пытаемся им здорово объяснить, какие нормы должен учитывать закон для того, чтобы экспорт лекарств на территории страны стал возможен, не экономически выгоден, но хотя бы возможен, то есть не противоречил закону. Минздрав смотрит нам в глаза и говорит: «Ребята, а нас это вообще не интересует. Это, пожалуйста, в Минпром». Следующий шаг – Министерство промышленности, профильный департамент. Смотрит на подготовленный документ, слушает внимательно, говорит: «Ребята, все прекрасно понимаю. У меня нет поручения этим заниматься» – «Как же? Программа развития фармацевтической промышленности, экспорт» – «Все понимаю, но нет поручения. Чего ко мне пришел? Ставишь меня в неудобное положение. Ты же знаешь, что у меня должно быть поручение? Знаешь. Зачем ты мне это говоришь?». Еще раз очень важный психологический момент: большинство людей, работающих в узких **недрах** [00:09:19] специфических рынков на уровне государственной власти очень хорошо специфику понимают, и являются в прямом смысле профессионалами в своем деле. С другой стороны, находясь на определенной позиции внутри органов государственной власти они имеют вполне определенное и очень ограниченное количество степеней свободы. Получается, что когда ты приходишь к человеку, пытаешься поговорить с ним и добиться, чтобы он принял то или иное решение, он тебя понимает, но решение понять не может. Поскольку он еще хорошо относится к тебе, получается, что он действительно говорит: «Ты меня ставишь в неудобное положение. Я не могу сделать то, что ты хочешь, но я понимаю, что ты хочешь. Получается, что я тебя должен просто выставить за дверь. Но вы нам помогаете, вы с нами в хороших отношениях. Зачем ты так делаешь? Зачем портишь наши отношения?». Получается, что обращения с профессиональными вопросами для людей в системе власти ниже Белого дома, по сути, приводят к ломке отношений.

[00:10:33]

В 61-й закон, в итоге, этот пункт был внесен. Мы в этом были крайне заинтересованы, потому что наши заводы в России экспортно-ориентированные, так что с этим сложилось все хорошо, но пункт был внесен только после того, как было дано поручение вице-премьера.

Соответственно, вся модель сводится к тому, что любым путем компания должна сделать так, чтобы с уровня вице-премьера пришло поручение на уровень ФОИВ.

Реплика: И это только начало.

Иван: Да. Потом надо подготовить решение, но, как правило, если ты с ФОИВом общаешься, то всегда можно это решение заранее принести, положить на стол. Более того, ФОИВ в этом крайне заинтересован, потому что обычно на исполнение поручения времени очень немного, а тут поручение пришло, и сразу готов ответ. Кто молодец? Правильно, должностное лицо в министерстве. Вот такая модель взаимодействия достаточно продуктивна. Еще раз: в фармацевтике большое количество новых нормативных актов за последние пять лет, все были созданы только таким механизмом. Все попытки горизонтального взаимодействия и через экспертные советы, и через механизмы Открытого Правительства потерпели крах. Причем по нашему ощущению, которое сложно подтвердить численно, оно является, скорее, ощущением по взаимодействию, с течением времени ситуация не меняется. То есть если предыдущий состав Правительства, в нашем случае Министерство здравоохранения, например, как правило, решения готовились в том или ином виде определённого уровня директорами департамента, и это решение мог принимать министр, то в текущем составе Минздрава даже министр решение не принимает, все решения делегируются на уровень вице-премьера. На уровне вице-премьера, соответственно, возникает пробка, потому что такое количество решений невозможно принять одному человеку, невозможно осознать тот объем, который надо унести. Второе, что возникает на уровне вице-премьера – возникает некоторое количество людей, которые торгуют доступом к телу, явных или неявных. Скорее, более легально сейчас уже, потому что нелегально это делать просто неприлично, но, тем не менее, для того чтобы определенную мысль донести вице-премьеру, есть разные механизмы. И возможность включения в эти механизмы стоит совершенно определенных денег, как правило не впрямую, но стоит. Это не очень хорошо, как вы понимаете, потому что, в принципе, всю работу, которая должна была быть на совершенствование нормативно-правового регулирования, в товарно-денежные отношения. Если ты мысль не донес, потому что тебе просто не дали сказать об этом вице-премьеру... **Точно не управляем вице-премьером, да? Согласитесь [00:13:29].**

Все, что я говорю, я бы не хотел, чтобы воспринимали, как некую жалобу или критику, это констатация факта, как у нас сейчас устроена машина. Мы должны понимать, что либо мы машину меняем, либо мы работаем с этой машиной так, как она построена. По состоянию на сейчас машина построена таким образом, что все ключевые решения, к сожалению, принимаются крайне ограниченным числом лиц, вы все их знаете, и все действия ФОИВов четко выстраиваются в вертикали, условно говоря, от главнокомандующего.

Из цифр, которые можно добавить, есть в Москве консалтинговая компания, называется «ЭКОПСИ Консалтинг», я не знаю, слышал кто-то из вас о ней или нет, ребята, которые занимаются вообще HR-консультированием. Ребята из «ЭКОПСИ Консалтинг» несколько лет назад были наняты одним из наших министерств, с которым мы работаем, когда пришел новый руководитель министерства, и задача им была – попытаться предложить механизмы мотивации сотрудников министерства на эффективный труд. Некоторые результаты этого исследования потом «ЭКОПСИ Консалтинг» публично озвучил, на сайте «ecopsy.com» до сих пор висит статья об этом.

[00:15:04]

В том числе, там есть очень хороший численный полученный результат опросов внутри ФОИВ. Например, ответ на вопрос: «Что является основной целью работы должностного

лица?». 75% ответили на вопрос: «Исполнение поручений». Это из того, что я помню из этого отчета. «Сколько времени, как правило, на исполнение поручений?» – у исполнителя один-два дня. Поручение сверху проходит энное количество уровней делегирования, в итоге, в самом конце внизу сваливается к исполнителю. Если у этого исполнителя нет готового ответа, то за один-два дня поручение отработать корректно невозможно. Соответственно, если оно корректно не отрабатывается, то надо понимать, что надо дать формальный ответ, не столько по существу, сколько просто спокойно, что поручение должно быть закрыто, иначе, если оно не будет закрыто, будет плохо всем, каждому из тех, кто дал поручение исполнителям. Это реальная сегодняшняя ситуация в федеральных органах исполнительной власти. При этом, повторяюсь, очень большое число внутри ФОИВ, а в некоторых ведомствах вообще основное число, например, в Минэк, – это люди, которые искренне стараются разобраться в том, что они делают, и пытаются быть специалистами в том, что они делают, вступать, в основном, кстати, в конфликт с такой системой принятия решений и с такой системой оценки результатов. То есть ты будешь молодец, если ты вовремя сделаешь поручение, вовремя. Что является наполнением этого поручения, что в него было заложено, не является предметом оценки.

Если кто-то может добавить что-то из своего опыта, и сказать, что «Нет, все это не так, там все по-другому построено» – буду рад. Спасибо.

Реплика: Я бы немножко по-другому сформулировал. Не [нрзб] [00:17:26] поручение, а закрыть.

Иван: Закрыть поручение, да.

Толмачева И.В.: Я предлагаю сейчас еще высказаться представителям бизнеса сегодня. Тут у нас Марат Баширов, Евгений Корчевой. Потом мы с вами набросимся на чиновников, общественных деятелей. И можно будет потом высказываться потом из зала.

Баширов М.Ф.: Иван прав, конечно, но я бы не критиковал то, что делает Открытое Правительство на сегодняшний день, потому что оно впервые за всю мою практику, а занимаюсь я этим делом с 2004 года, стало говорить про цели. И его система принятия решений, на которую я обратил внимание, она ведь, на самом деле, очень тиражируется от Администрации президента, то есть она, если ты будешь писать, то они ответчики. Означает ли это, что та система, которую пытается внедрить Открытое Правительство, она полностью работает? Нет, конечно. Есть министерства, особенно которые работают в рамках стратегий, например, энергетическая стратегия, и у них есть более-менее устойчивый план нормотворческой деятельности. Это система, которую сейчас создает Логинов, система контроля нормотворческой деятельности через комиссию. Контроль, который потом каскадировался на те функции, которые сейчас возложены на статс-секретарей, они очень подталкивают к более системной работе. Другой вопрос, что ты прав: когда требуются быстрые локальные решения, то тот механизм через поручения, он самый быстрый.

[00:19:42]

Если бы мы рассуждали о замене этого механизма чем-то другим, мы бы вообще остались без инструментов, поэтому я бы сказал, что это благо – такие короткие вещи. Ее надо потихонечку сжимать, сжимать, сжимать, но понимать, что придет на ее место. У нас две недели – это третье еще мероприятие, где звучит ОВР, то, что проходило в ВШЭ и там красной линией проходила одна вещь: систему ОРВ запустили, и сейчас ее каскадируют,

я сегодня посмотрю у Цыганкова, ОРВ заработало в промышленном. Отлично. Только никто не ставит вопрос о том, что надо сейчас еще наполнять неким реестром экспертов, которые имеют право вообще давать оценки ОРВ, потому что иначе, когда ты говоришь о том, что чиновник готов от тебя что-то взять, чтобы исполнить поручение, эта система ОРВ нуждается в том же самом. То есть там надо начинать ставить вопрос о том, что при каждом министерстве, при каждой мэрии должны появляться аккредитованные экспертные организации, которые имеют право давать свои заключения.

И вторая штука. Так как я сейчас вышел из бизнеса, мне проще говорить. Мы зачастую ставим госуправленцев в неприятную ситуацию. Почему? Потому что есть потребитель, есть производитель услуг или товаров, и зачастую появляется экспертная оценка на ОРВ, нормативная [нрзб] [00:21:32], тем более если закона только одной стороной, она начинает упираться в то, чтобы это была сбалансированная система, чтобы чиновник стоял в позиции арбитра. То есть должен быть эксперт, который у потребителя, а должен рядом стоять не менее квалифицированный эксперт от поставщика услуг или товаров. За какие деньги – отдельный разговор. В электроэнергетике, откуда я вышел три месяца назад, совершенно точно там образовались сообщества крупных потребителей, и они сами оплачивают эту экспертную оценку. Возможно, в каких-то отраслях таких экспертов со стороны потребителя, особенно если они разрозненные, их не будет. Значит, надо выработать какой-то механизм, как финансируются эти эксперты. [нрзб][00:22:22]. Спасибо.

Иван: Марат, спасибо, согласен. Один вопрос: система ОРВ противоречит системе работ по поручениям.

Баширов М.Ф.: Нет.

Иван: Потому что тот документ, который **решится** на оценку регулирующего воздействия, является документом, подготовленным уже кем-то в исполнение ранее данного поручения, причем те люди, которые готовили, очень хорошо понимали, что они делают, и в редких случаях готовы учитывать интересы противной стороны.

Баширов М.Ф.: Я бы не сказал, что механизм один другому противоречит, я бы сказал, что зачастую целеполагания разные. Особенно если это касается каких-то чувствительных отраслей, например, таких, как цены на электроэнергию, цены на услуги ЖКХ, цены на лекарство. Например, есть утверждённый план по общему развитию электроэнергетики, он предполагал, например, еще с 2008 года, что уже года четыре назад цена на электроэнергию за исключением того, что касается населением, которое находится под неким патронатом государства. То есть не все население, как мы говорим, бедное, все остальные должны были покупать электроэнергию на свободном рынке. Вместе с тем, мы все время сталкиваемся с тем, что есть политические сигналы, то есть не время, не время, не время, не время. Я думаю, что проблема, на самом деле, здесь. То есть поручения зачастую возникают, как некая реализация сигнала, который носит больше политический характер. Здесь, конечно, когда чиновник оказывается в крайне сложной ситуации, когда, с одной стороны, ему нужно разрабатывать долгосрочный тарифы, и в этом случае развивать рынок, как-то повышать конкуренцию, давать возможность создавать производства, которые используют все более и более современные технологии, а с другой стороны говорят, что «Не время, надо еще подождать», то здесь тяжелая ситуация у госуправленцев.

Круглый стол №3.

«Лоббизм в несырьевых секторах экономики: как есть и как должно быть»

Толмачева И.В.: Евгений Корчевой, он руководитель Российской ассоциации производителей сельхозтехники «Росагромаш», один из организаторов всего МЭФ, идеолог.

Корчевой Е.А.: У нас тоже очень большой опыт работы с Правительством и министерствами, но я не совсем согласен, что есть система поручений.

[00:25:14]

Есть поручения, системы работать с поручениями нет. Может быть, мы не столь эффективно работаем, но я могу сказать, что любое министерство и практически любой исполнитель, даже занимая самый маленький пост, может задинамить любое поручение чуть ли не президента. Для этого есть куча бюрократических инструментов, как это можно сделать, притом, что закрытием поручений или исполнением поручений явления не изменение системы как таковой, не принятие какого-то нормативного акта, а является письмо с какими-то предложениями. То есть на любое поручение закрывается просто некоей бумагой, которая выходит из министерства. Вы абсолютно правы, что содержание этой бумаги очень часто не оценивается вообще, а оценивается только факт этой бумаги. Мы буквально недавно поучаствовали в совещании с премьер-министром Медведевым на «Россельмаше», оно было посвящено сельхозмашиностроению. Вышел протокол, он опубликован на сайте Правительства, он вышел после совещания через две недели, то есть две недели заняла только подготовка этих поручений, 12 пунктов, но для меня, как руководителя ассоциации, ни одно из этих поручений не несет ценности вообще. Не потому что там неправильно написано, там написаны те идеи, которые мы, в принципе, и высказывали, но все эти поручения звучат в духе: «Подготовить предложения», «Проработать позицию», то есть это некие ориентиры, без которых я и так могу работать, как ассоциация. Мне никто не мешает по каждому из этих направлений сделать хорошие документы, хорошие обосновывающие материалы с цифрами, с проектом нормативного документа или с проектом изменений в какой-то нормативный документ, прийти в одно министерство, во второе министерство, в третье, понять позицию каждого из этих министерств, понять позицию, возможно ли прохождение этого документа среди этих министерств, и после этого внесение его в Правительство. То есть через поручение можно решать проблемы, если у тебя нет контактов с какими-то министерствами. Поручение обязывает то или иное министерство, как минимум, в тему немножко погрузиться и поработать. Если у тебя контактов нет, ты можешь прийти, с тобой даже никто разговаривать не будет. Как в прошлом году у нас выступал с «ЕвроХима» Стрежнев Дмитрий, он говорит: «Поговорить не с кем. У меня куча людей, поговорить не с кем. В Минфин прихожу, поговорить не с кем». То здесь поручения немножко могут помочь, потому что они заставляют министерство на эту тему хотя бы немножко подумать. Но это не инструмент все-таки. И более того, чем больше я смотрю, вот я директор ассоциации уже больше 10 лет, и система принятия решений не меняется вообще. Там был небольшой период административной реформы, когда замминистров не стало, стали **сильные** [00:27:55] директора департаментов, потом это все откатали назад, но система как была, вот эта иерархическая система, по-моему, 100-летней давности, когда какой-то вышестоящий орган проводит совещание, даются протокольные поручения, эти протокольные поручения отрабатываются, готовятся. Я, честно говоря, не очень хорошо знаю, как работает система за рубежом, но видя, насколько эффективны наши коллеги, и как они эффективно лоббируют свои интересы в своих государствах, я понимаю, что эта система работает точно не так: она работает гораздо быстрее, гораздо эффективнее, там

нет никаких 30 дней по регламенту на рассмотрение в отдельных министерствах, нет этого огромного круга согласований, то есть там все работает гораздо быстрее. Я, опять же, не специалист, но видел одно из выступлений очень хорошего эксперта Вячеслава Евсеева, который рассказывал, как устроена система лоббирования в США, и она устроена не как у нас в Центре регулирующего воздействия. Кстати, у меня по оценке регулирующего воздействия тоже больше пяти, то есть мы, как ассоциация, с этого ничего пока не получаем. Если ты и так имел рабочие хорошие отношения, к тебе и так, как к эксперту обращались, в принципе, 90% документов, которые нас касались, они, так или иначе, к нам попадали, причем не путем разведки, а путем действительно просто экспертной оценки, когда нам звонил представитель одного из министерств и говорил: «У вас есть какие-то предложения на эту тему? Дайте, что вы думаете». Причем это могут быть разные министерства: мог с Минэк кто-то позвонить, мог с Минфина, мог с **Минтрана** [00:29:19], совершенно разные. Если этой системы нет, наверное, можно зайти на сайт, документы увидеть, но есть другая проблема по ОРВ, когда чиновники, которые занимаются делом и которые какие-то реальные предложения, есть день у него, как вы правильно говорите, или два, у конечного исполнителя, он должен помимо того, что подготовить эту позицию, за короткий период времени еще и подготовить на дюжину, где-то две дюжины, а где-то и две сотни предложений, причем порой абсолютно нелепых, но по ОРВ надо их отработать, нужно дать ответ, нужно его официально отправить. И, опять же, получается, что наши чиновники, то есть те люди, которые получают от нас же зарплату с наших налогов, они занимаются не своей работой, не улучшают какой-то инвестиционный климат, государственную систему регулирования не улучшают, а люди занимаются тоже писаниной, только раньше они занимались писаниной в адрес Правительства и друг друга, а сейчас они еще занимаются писаниной в адрес всех 90% нелепых предложений, которые поступают в ОРВ.

[00:30:20]

Так вот возвращаясь к системе в США. Это, кстати, пересекается с тем, что Марат сказал. Как я понял, опять же, не претендую на 100%, что это действительно так, она выглядит так: у каждого министерства в каждом направлении, в каждой сфере, которая касается бизнеса, так или иначе, есть комитет, причем комитет этот непростой. Люди, которые входят в этот комитет, они подписывают соглашение о конфиденциальности. Они имеют доступ ко всем документам, имеющимся в министерствах, но не имеют права разгласить ни один документ. То есть это, с одной стороны, для министерств эксперты, которые объективно высказывают свою точку зрения, но с другой стороны, это не такая публичная на 100% любая информация, которая вывешивается. То есть это некий компромисс там между бизнесом и властью. И это как раз позволяет не тратить время на шелуху, а заниматься предметным обсуждением каких-то последствий тех или иных документов, которые принимаются.

И следующий тезис: видя 10 лет, как работает система, я понимаю, что следующие 10 лет система будет работать точно также, и вряд ли, наверное, что-то серьезно поменяется. Нам нужно как-то наращивать свои навыки и помогать чиновникам. Единственное, что меняется и что в меня вселяет оптимизм – что все-таки первая квалификация сотрудников министерств очень сильно улучшилась. Это, действительно, по большей части люди, которые хорошо разбираются и в отрасли, и в процедуре формализации тех или иных решений, то есть с ними гораздо интереснее стало работать, с чиновниками. То есть это от каких-то руководителей, которых раньше считали в министерствах руководителями всего

и вся, сейчас реально стали некие как партнеры на одной линии, с которыми можно аргументированно спорить, высказывать свое мнение.

И второе: поменялось некое ощущение, то, что мы говорим, когда есть налогоплательщики, и они платят деньги, и на эти деньги содержится госаппарат. Вот это в некоторых министерствах – еще не везде – осознание у людей пришло. Это не связано с поколениями, потому что во многих министерствах мы общаемся, люди уже предпенсионного возраста, но у них поменялось мировоззрение, и они относятся, по крайней мере, к производителям, как к людям, которые несут деньги в бюджет, над который они потом работают, соответственно, разговор получается уже двусторонний.

Вопрос из зала: Марат говорил про стратегию, которая есть в отрасли электроэнергетики, и которая определяет задание нормотворчества, то есть в соответствии с которым ведется нормотворчество. В вашей отрасли есть такая стратегия?

Корчевой Е.А.: Да, естественно, она есть. Более того, мы сами ее разрабатывали, и за это еще получили 5 млн рублей из бюджета. Я тоже скажу, что это дело нужное, на нее можно ссылаться, но у меня, опять же, есть ощущение по программам. Они немножко систематизируют все принятые решения, но ни одно из решений не проходит на проверку в соответствии с целями этих программ. То есть там записано: «Сделать вот это». Дальше делается этот механизм, но насколько он действительно позволит нарастить, увеличить и так далее, как это пишется в главе программы, вот этого сверху никто не производит».

Толмачева И.В.: У нас получается не сырьевой лоббизм, а настоящий лоббизм, как он есть. Подошел Разбродин Андрей Валентинович, представитель Ассоциации производителей легкой промышленности. Предлагаю сейчас высказаться Евгению Махортову, а потом Андрею Валентиновичу.

Махортов Е.: Меня зовут Евгений Махортов, я представляю иностранную шведскую компанию [нрзб] [00:34:30]. Мы крупнейший лесной производитель в мире, и, в том числе, у нас есть медицинские изделия, которые также производим в России.

Моя мама профессионально работает психологом, то есть она кандидат наук, и она работает, в том числе, с переживаниями из прошлого, которые накладывают негативный отпечаток на настоящее, поэтому я буду немного более позитивен к новым инструментам и институтам, которые появились для [нрзб] [00:35:03] и для общества в целом.

[00:35:07]

И я, не секрет, сразу скажу, что я большой фанат ОРВ. Какие бы ни были к нему претензии, я в Правительстве, в том числе, ретро-ОРВ супер нужно, дорабатывалось, у регионов к ОРВ тоже большие вопросы, но все эти площадки, все эти инструменты, которые появляются, они существенным образом шаг за шагом сужают неформальное теневое и не всегда отслеживаемое нормотворчество чиновников. Да, это удлиняет процесс принятия решений, да, это зачастую вступают в конфликт наши отношения с определенными чиновниками, но если смотреть на более стратегическом уровне, большие блоки законодательства начали переходить в личную область, причем как на этапе проекта, так сейчас уже и на этапе уведомления о намерениях о разработке тех или иных нормативных актов. Поэтому я бы здесь больше поддержал те наработки, те ростки, которые появляются, потому что мне, допустим, легче стало работать, хотя тоже есть там свои отношения с определенными чиновниками, зачастую тоже звонят. Ты меня спросил

по поводу Дениса Валентиновича, я на «Facebook» быстро написал товарищу, и вскоре, я думаю, ответ уже поступит.

Реплика: Ждем ответа?

Махортов Е.: Да. И здесь, переходя к следующей позиции, я бы даже рассматривал второй большой линией именно социальные сети, как бы смешно это ни звучало. Влияние социальных сетей на позиции чиновников, влияние социальных сетей в принципе на принятие решений. То есть они от чисто коммуникативной функции, то есть я быстро написал, и мне быстро ответило очень много чиновников из Минэк, замминистров половина, директора департаментов, и это, с одной стороны, наиболее оперативный способ общения, то есть не через звонок на мобильный, когда он сбрасывает, потому что не может говорить, не через секретаршу, не официальные запросы, а через «Facebook» отвечаем прямо. Некоторые замминистры, ответственные за госполитику в Минэке, отвечают там очень быстро, в течение пяти минут. Если будет интерес, я потом расскажу про один кейс, можно сказать, даже лоббистской компании, которую мы через «Facebook» запустили с некоторыми чиновниками. Есть такие кейсы.

Толмачева И.В.: Расскажите.

Махортов Е.: Вообще, этот законопроект еще не принят, но он находится в Думе, его активно обсуждают – законопроект о запрете заемного труда. Это означает, что у компаний, которые подвержены сезонным циклам найма сотрудников, то есть, грубо говоря, я произвожу мороженое, летом мне нужно за несколько недель нанять 3 тысячи дополнительных сотрудников, чтобы покрыть возросший спрос, и они используют HR-агентства для привлечения персонала, которые состоять в этих агентствах, и формально не числятся на моем заводе, грубо говоря. Профсоюзы выступили резко против этого, и считают, что права ущемляются, там страховок нет, зарплаты меньше, чем если в штате эти сотрудники. И в один день было две пресс-конференции двух разных людей. Одна пресс-конференция была Исаева, он депутат и председатель Комитета по социальной политике Госдумы, и вторая пресс-конференция была как раз замминистра экономического развития, ответственного за инвестиционную политику. Суть была в том, что Исаев начал говорить про заемный труд на своей пресс-конференции, и Сергей Беляков не знал, что есть та пресс-конференция, короче, я все снимал, что говорил Исаев, ему в «Facebook». И получилось так, что Беляков, в свою очередь, тоже реагировал тут же на своей пресс-конференции, публично отвечая на выпады Исаева, и прочее. Это к тому, что роль «Facebook» – это не только кошечки, лайки собирать, какой твой эмоциональный психологический возраст и перепечатывать «открытки.ком». «Facebook» и вообще социальные сети сейчас начинают исполнять сейчас все больше коммуникативную роль, убустряя процесс принятия решений, реакции государственных служащих, и посредством того количества аналитики, которая перепечатывается из экспертных ресурсов, именно влияет даже в некоторой степени на принятие решений, на мировоззрение или отношение к тем или иным вопросам. Спасибо.

[00:40:27]

Толмачева И.В.: Пожалуйста. И, пожалуйста, Андрей Валентинович.

Разбродин А.В.: Добрый день, уважаемые коллеги, дамы и господа. На самом деле, я не очень понимаю, что вы хотите от меня услышать в чистом виде.

Толмачева И.В.: Мне лично хочется про лоббизм.

Разбродин А.В.: Я вам могу рассказать, как это дело обстоит чисто в нашей отрасли, и наш взгляд на сегодняшнее состояние. Безусловно, то, о чем коллега сказал, я его могу абсолютно поддержать, что существует масса разнообразных дополнительных инструментариюв современных, которыми надо научиться пользоваться, и мы точно также пытаемся это делать, но помимо этого все-таки, наверное, лоббизм – это не совсем стихийная штука. Если рассматривать опыт разнообразных стран, то все-таки, будем говорить, в том или ином виде понятие лоббизма или его определённые признаки закреплены в разных странах по-разному законодательно, юридическими разнообразными нормами, правилами и так далее.

Что я имею в виду применительно к нашей отрасли? Смотрите, как у нас сегодня получается вопрос управления отраслью в целом. Он заканчивается на уровне министерств, если мы сегодня про юридическую некоторую подоснову ситуации. При этом министерство полностью висит в воздухе. Поверьте мне, это даже не колосс на глиняных ногах, это в чистом виде воздушный замок, который сегодня юридически и законодательно никуда не опирается. Я вам расскажу, как сегодня происходит взаимодействие нашего Союза, который мы специально юридически организовали в другой форме. То есть он был, как общественная организация без особых прав и обязанностей. Сегодня он организован в виде саморегулируемой организации с правами, обязанностями и так далее. Сделано это было именно с той целью, что это сегодня единственная юридическая форма, которая по нашему законодательству имеет право на некоторые юридические и финансовые взаимоотношения с государством, как организация отраслевого бизнеса. Идея была такова, чтобы наладить некоторые связи, которые бы позволили наладить двусторонний контакт, при котором Союз мог бы заниматься серьезной аналитической работой, подготовкой этих самых программ, и совместно с Министерством разработкой системы обсуждения, представления этих программ, продвижения, то есть защиты их на разных уровнях – в финансовом министерстве, экономическом министерстве, – и дальнейшую методику вставления этих программ в макроэкономические показатели, макроэкономическую программу государства в целом, то есть частичное, полное в зависимости от возможностей, от целевых задач и так далее.

На сегодняшний день картина управления при всем прочем выглядит так. Достаточно просто сказать, что в прошлом году наша отрасль была в структуре Управления лесной и легкой промышленности, то есть по непонятной причине они были объединены в одном управлении, и специалисты, которые занимались лесом, одновременно занимались текстильной и легкой отраслью. Поэтому когда здесь коллега говорил, что сегодня представители в министерстве являются профессионалами, в большей степени в отраслевом плане, у меня это вызывает, мягко говоря, недоуменную усмешку, потому что буквально в ноябре месяце нас передали в другое управление, которое теперь называется Управление развития торговли, легкой промышленности и потребительского рынка.

[00:45:05]

То есть к управлению легкой промышленностью пришли люди, которые до этого занимались вопросами торговли. То есть, иными словами, вообще понимания о том, что такое отрасль и что она из себя представляет, на самом деле, как показало наше мероприятие, которое в прошлом году мы проводили в Вологде, и которое проводилось

по команде президента и его непосредственном участии даже президент, когда специально определенным образом сделали представление, когда президент посмотрел на это представление, он сказал, что он вообще не совсем до этого понимал, что, на самом деле, представляет из себя отрасль, насколько она встроена и важна в целом для народного хозяйства, что это не только трусы, носки и так далее. Поэтому, на мой взгляд, когда мы сегодня обсуждаем вопросы, связанные с Законом «О промышленной политике», я не очень понимаю, что это за закон, потому что в моем понимании промышленная политика и Закон «О промышленной политике» – это закон о системе управления промышленностью, взаимодействии с общественными структурами, как наша, принципами этого взаимодействия, некоторыми обязательствами. Пока ни в законе, ни в действиях министерства позитивного направления в этом деле не видно. Грубо говоря, нас привлекают к работе тогда, когда считают нужным, или когда мы по всем российским законам лоббизма постараемся дотереть тем или иным способом мозоль до состояния полной нетерпимости. При всех прочих, на мой взгляд, это не совсем правильно, поэтому это одна из задач, которыми необходимо заниматься и на общественном уровне с тем, чтобы эти взаимоотношения бизнеса и государства, о чем много лет назад и Шохин говорил, все-таки перевести на более отрегулированный уровень.

Теперь о возможностях. Безусловно, возможности растут, и если рассматривать другие отрасли – знаю по своим коллегам, поскольку активно общаюсь, – Открытое Правительство – это сегодня дополнительная возможность доносить идеи и влиять на определенные процессы. Кроме всего прочего с этого года расширена Общественная палата, и представителями Общественной палаты стали представители отраслевого бизнеса, в частности, ваш покорный слуга сегодня является членом Общественной палаты нового созыва. Это, безусловно, тоже закрепляет наши позиции на базе лоббизма. Хотя мне больше нравится слово «управление» и «управляемость». Видимо, я человек в этом смысле немножко из прошлого, ничего с этим не могу поделать. Мне кажется, наша ментальность и ментальность наших чиновников в этом смысле немножко отличается, это лоббизм у нас очень сильно коррелируется со словом коррупция в нашей степени понимания, поэтому иногда это пугает нас, воспринимается неправильно. Тем не менее, как бы ни называлось, суть не меняется.

Поэтому если сравнивать с тем, что было несколько лет тому назад – однозначно мы движемся вперед, однозначно система взаимодействий с госорганами меняется в лучшую сторону, но пока еще качество этого изменения не догоняет некоторые количественные показатели. То есть общаться мы стали больше, результативность от этого общения пока не та, которая должна была бы быть.

На этом я заканчиваю.

Толмачева И.В.: Спасибо. У Андрея Валентиновича будет свое мероприятие профильное в ближайшее время. Где можно найти по нему информацию?

Разбродин А.В.: По форуму?

Толмачева И.В.: Да.

Разбродин А.В.: У нас 23 апреля на территории Экспо-центра будет проходить международный форум по текстильной и легкой нашей отрасли на базе выставки «Инлегмаш», то есть два мероприятия будут проходить одновременно. На этой неделе

Круглый стол №3.

«Лоббизм в несырьевых секторах экономики: как есть и как должно быть»

выйдет сайт форума, на котором будет вся информация, программа. А предварительно пока на нашем сайте и на сайте Экспо-центра вся информация по поводу форума. Спасибо.

[00:50:44]

Толмачева И.В.: Предлагаю сейчас Николаю Остаркову высказаться, как представителю «Деловой России», а потом Илья Клочков из министерства.

Остарков Н.А.: Поскольку проблема как-то не задана, я тогда сам для себя ее сформулирую таким образом. Я давно в этой сфере, когда-нибудь, может, напишу мемуары, поскольку был участником всех заседаний РСПП, и видел изнутри, как это все происходило, продвигалось, как были первые законопроекты, как они проходили через Думу, то есть лоббизм того времени могу сравнить с «Деловой Россией», как это потом происходило, массу попыток административных реформ, в которых участвовал, пережил. Не счесть количество общественных советов всяких министерств, в которых я участвовал, законопроектов, и от создания межфракционной группы, которая лоббирует интересы предпринимателей, до создания трех-четырёх десятков ассоциаций, которые потом переросли в ВСО и так далее. Но на сегодняшнем форуме у меня ощущение, как будто мы отмотали лет 20 назад, притом, что молодые, активные, яркие люди, вроде как со свежими взглядами на жизнь, но что-то у нас какие-то колесики не прокручиваются, потому что дежавю какое-то, сбой в матрице. Так и у нас. Я тоже это говорю, что промышленная политика, лет 20 назад про это нельзя было говорить. 20 лет назад можно было говорить, миллионы были вбуханы в то, чтобы она была разработана. Есть восьмитомник, есть попытки прохождения через Думу этого законопроекта, лет 15 назад Панина им занималась, и так далее. Есть попытка совсем недавняя о той же промышленной политике, когда вот зал, вот сидит президент, перед ним рассказывают, что такое промышленная политика, показывают: «Вот такой кластер, вот такой», люди выступают, все это под камерами, министры сидят, «Деловая Россия». После этого принимается институциональное решение: «Давайте создадим Агентство промышленного развития». Подписывает ВЭБ, АСИ, Минэкономразвития, президент сидит сзади, они подписывают, он им всем руки пожимает, принимается чертова дюжина поручений для того, чтобы это Агентство промышленного развития, ВЭБ, финансирование и так далее. Вот мы его запускаем. Дальше что бы сделать всем? Объединить усилия для того, чтобы институт, патронируемый президентом, «Деловой России», АСИ, ведущими банками, Минэкономразвития. Что еще нужно? Объединить усилия, вперед и с песней. Я полгода езжу по разным регионам с этими кластерами бесплатно, что-то пытаюсь возродить, создавать. Потом думаю: «А зачем мне это дело? Я сделал, уехал, кластер создал. Что я за это получаю? Ноль. Ни общественной поддержки, ничего». И мы снова с самого нуля начинаем опять говорить: «У нас нет промышленной политики. Давайте закон о промышленной политике». То есть мы говорим: «Президент вообще ошибся».

[00:55:10]

Я извиняюсь. «То, что там было создано – это все ерунда, и давайте сначала». Все это мне напоминает у Стругацких «Лес», если кто читал. Там есть описание деревни, когда дискурс людей. Он идет, и через пять минут люди забывают, о чем говорили. И снова: «Начинаем?» – «Начинаем», и опять забываем, о чем говорили. У нас прокручивание капитализации наших инициатив, институтов и так далее не происходит, у нас не работает социальное накопление. Все эти инициативы приходятся изначально. Если находится

персона масштаба, допустим, Бориса Титова. У него хватает сил про омбудсменство тему вести, значит, она ведется. Он чуть в сторонку, не дай бог, отойдет или чем-то другим займется – все, тема потухнет, и так далее. И у нас все так, и все лоббирование. Нет лидера на самом высоком уровне, что ли, заряженного на это, и все уходит в песок. И мы про эту промышленную политику 20 лет, и еще сотый форум про эту промышленную политику, то же самое про лоббирование и все остальное. Почему так происходит, я не знаю. Не происходит социальной, институциональной капитализации. Инициативы не капитализируются. Каждый начинает с чистого листа – это первая проблема.

Вторая проблема – гиперреальности. Где лучше всего спрятать дерево? В лесу. Вот у нас и происходит. Мы очень долго бились над тем, что бы создать институт, который не будет [нрзб], о чем вначале говорилось. Правильная постановка проблемы: пока аппарат занимается поручениями, стратегией он заниматься не будет. Где-то лет пять назад мы с этой темой пришли к президенту и говорим: «Для того чтобы система работала, нужно нечто внесистемное, которое занимается стратегией, которое не включено в постоянный процесс белки в колесе и выполнения поручений. Нужен такой институт, и хорошо бы, если бы вы его возглавили». Самое интересное, что институт создан – Агентство стратегических инициатив. Неплохо начал, сейчас просто не слежу, но все эти дорожные карты запущены. Очень эффективно начал работать. Что делают? Создается какой-то параллельный, рядышком, еще, и инициатива начинает фрактально множиться, и забивается, то есть создается гиперреальность, мы в ней живем сейчас, когда хорошую инициативу в лес помещают, и вокруг возникает масса таких же деревьев, и то, что могло бы быть прорывом, если бы туда все силы бросили от РСПП до «Опоры», «Деловой России», всех ассоциаций – куда еще круче? Опять же, патронирует президент, все поручения принимаются, Наблюдательный совет великолепный, институт создан. Нет, мы хотим опять создать сначала что-то такое, что будет стратегическим, и так далее. Вот еще одна проблема создания бюрократической гиперреальности.

Третья проблема заключается в том, что мы никак не можем перейти к проектному принципу работы нашей системы управления. Тоже об этом давным-давно говорим, не понимая, как это можно организовать, но не получается все это в стране. Люди, которые этим занимаются, говорят о том, что в Казахстане получается, в некоторых регионах тоже, но в целом в стране перейти на проектный принцип не получается, то есть министерство у нас непотопляемое, они растут и растут. А что такое проектный принцип? Это выполнили задачу, написали Закон «О промышленной политике», разбежались. Выполнили задачу написания какого-то законопроекта или продвижения какого-то, и разбежались.

[01:00:20]

Тут не нужен глобальный Минэкономразвития, а допустим, если там есть отдельный институт, который занимается системой бюджетной поддержки малого и среднего бизнеса, то обязательно над ним должна быть вывеска Минэкономразвития, а это очень хороший работающий проект по поддержке малого и среднего бизнеса с соответствующими институтами развития. Почему это должно называться министерством? Как перейти на проектный принцип – тоже никак не понимаю.

И еще одна мысль, и это опыт немецкой, австрийской бюрократии. Такой иерархизированный министерский принцип работы, выборы в XIX веке это показали, он работает при наличии аристократии. Если есть люди, которым не нужны деньги, им не надо зарабатывать, есть какой-то у них источник доходов, и они могут работать

чиновниками, за идею, двигаться вверх по лестнице, и у них другая мотивация. Если вы пытаетесь создавать систему управления министерского типа, в которой людям нужно зарабатывать деньги, она работать не будет, она всегда будет коррупционная, потому что людям нужно зарабатывать.

Объясню примером, и тоже для меня это проблема. Представьте себе, человек – руководитель какого-нибудь крупного региона. Вот он договорился с австрияками, приземлил в свой регион заводик, договорился с западным финансированием, с ВЭБом и так далее, то есть нашел кредиты, договорился с соответствующим министерством о поддержке, приземляет вот этот заводик, у него есть частные инвесторы, которые свою часть работы сделали, еще надо коммуникации проводить, и так далее. Условно скажем, что это замгубернатора. Сколько он должен получить за эту работу? Рядом с ним человек, выполняющий 30% от его объема, станет миллиардером, а он должен получить зарплату. У него там замыкание в мозгах происходит. Это не его работа вообще-то. Он каждый день ходил на работу, проводил совещания, занимался. Вот этим лоббированием он занимался бесплатно. Есть отдельные случаи, про того, про кого я рассказывал, и это кристально чистый человек, он делал это за зарплату. Почему он делает? У него есть деньги, он обеспечен, может себе позволить. Как заставить то же самое делать людей, за что они должны работать? Я говорю, в бюрократической системе аристократам это можно делать для того, чтобы делать карьеру, но у него деньги есть, он обеспечен на всю жизнь, он не думает об этом. Вот эту проблему мы никак не можем решить. То есть мы не можем найти легальный способ платить этим людям. Получается, что либо они занимаются тем, что симулируют свою работу, занимаются имитацией, либо выполняют свои минимальные функции, либо они занимаются тем, что они ведут то, что у нас называется коррупция, а я считаю, что это и есть предпринимательская деятельность с большой буквы, это и есть проектная деятельность, это и есть то, что должно создавать капитал, то, что работает на капитал, то, что должно потом назад отрабатывать свои прибавочные стоимости. У нас чиновники в этом заинтересованы. Это проблема. Я не говорю, что он должен получить откуда-то эти деньги, но, кстати, мы ее так и не решили, потому что в нищей стране, кооптируя наши чиновничьи ряды достаточно бедных людей, мы не придумали, как стимулировать их.

[01:05:12]

Поэтому скорее спеть, что есть такие нерешенные проблемы в системе лоббирования, но у нас, как у «Деловой России» проблем с тем, чтобы что-то принять, донести до самого первого лица, и принять решение, и принять протоколно решение, и потом осветить их результаты, процентов на 70 они выполняются, у нас этих проблем нет. Любую отраслевую проблему, если она не противоречит национальным интересам... Нам удавалось даже снизить ставку по Фонду заработной платы с 34 до 30. Это Титов в день рождения ходил к Владимиру Владимировичу и договаривался об этом снижении. То есть мы лоббировать умеем, этой проблемы для нас нет. Для меня есть проблема, как сделать системно, чтобы у нас проектное лоббирование вообще работало и было легальным.

Толмачева И.В.: Николай, вы большой молодец, и «Деловая Россия» – замечательная и очень эффективная организация. Давайте оптимистичнее. Но вообще, я считаю, что все равно нужно делать, и, может быть, что-то получится.

Клочков И.И.: Здравствуйте, коллеги. Меня зовут Клочков Илья Игоревич, я заместитель директора Департамента Минэкономразвития России. Я, наверное, расскажу больше

применительно к теме сегодняшнего круглого стола по лоббизму, как мы в этом направлении двигались за последние два года, и какие дальше перспективы.

Вы все знаете, что за последние 10 лет субъектами были предприняты разные попытки, в Государственную Думу вносились предложения урегулирования вопросов лоббизма и лоббистской деятельности, а также регламентирующих форм всей этой отрасли, но по разным совершенно причинам они до сих пор не реализовались. Вместе с тем буквально за последние три года у нас выстроилась работа по совершенствованию регулирования взаимодействия органов власти и институтов гражданского общества. Здесь я много слышу критики в части ОРВ, публичных консультаций и так далее, но, вместе с тем, раньше этой возможности ни у бизнеса, ни у какого-то общества вообще не было. Сейчас это переведено в регламентирующую плоскость, и я лично запускал регулирующий портал regulation.gov.ru, это портал раскрытия информации, где размещаются уведомления и вывешиваются тексты. «Facebook» – это, конечно, хорошо, когда вам кто-то может оперативно ответить, но вы можете не ответить, и этот ответ может остаться только между нами. Если вы не знаете про этот сайт, то я всех призываю посмотреть, на этом сайте размещаются все проекты актов всех органов в период сроков общественного обсуждения. Если в этот период вы дадите свое мнение, оно в обязательном порядке госслужащим будет рассмотрено, и будет предложена таблица сводки, выложена на сайте и направлена в Правительство и Минюст с обоснованием, учтено ваше предложение или не учтено, и если не учтено, то почему не учтено. То есть такие институты, лично нам они жизнь осложняют, они увеличивают сроки, но, вместе с тем, общество имеет право высказаться. И почему создали институты? Чтобы у нас сейчас идеология, чтобы сориентировано было государство, чтобы не только сидели госслужащие и принимали сегодня так, как хотят, но и слышали.

[01:10:04]

Поверьте, что на моей памяти лично я очень много выпустил разных актов, и были достаточно сильные замечания к текстам акта, и тексты актов действительно были переделаны, потому что этот текст посмотрело 500 человек, а у нас в Министерстве его писало три человека.

Реплика: Подтверждаю, мы ОРВ активно пользуемся, и очень эффективный механизм.

Клочков И.И.: Конечно, это все регламентировано и от этого уже никуда не денешься.

В части лоббизма. В исполнении [нрзб] [01:10:42] короткие 2012-2013 годы, которые были, мы обсуждали с представителями разных социальных групп формирование лоббизма на различных площадках. У нас в 2012 году был семинар по регулированию лоббистской деятельности, в котором приняли участие Международная организация Управления ООН по наркотикам и преступности, ОЭСР и очень много различных экспертов. Также для регулирования экологической деятельности была создана специальная группа на площадке РСПП под руководством Шохина. Также мы обсуждали эту тему на Общественной палате и площадке Минюста. По результатам этой работы нами было выработано три подхода по урегулированию лоббистской деятельности. Первый подход – это принятие специального закона, регулирующего профессиональную деятельность. Второй подход – урегулирование отдельных норм в части урегулирования должностных лиц лоббистами. Третий подход – оставить все как есть. Эти три подхода были направлены в Администрацию президента, руководством страны эти все три подхода

Круглый стол №3.

«Лоббизм в несырьевых секторах экономики: как есть и как должно быть»

были рассмотрены, и был принят второй вариант об усилении законодательства в части урегулирования должностных лиц отдельными нормами.

Сейчас приоткрою, может быть, тайную завесу: готовится новый национальный план противодействию коррупции на 2014-2015 годы. Я этот проект уже видел, он еще не вышел, до майских праздников, я думаю, он выйдет, он сейчас пишется в недрах Администрации, но там конкретно есть поручения эту работу продолжить, она не забыла, и там есть поручения, чтобы определить конкретный федеральный орган, который будет уполномочен осуществлять и делать всю эту работу.

Многие здесь ругали Открытое Правительство. Вы знаете, на самом деле, не все так плохо. Может, действительно не хватает экспертов на все акты, которые пишутся, но очень многие эксперты Открытого Правительства высказывают достаточно хорошие замечания, которые потом учитываются.

Сроки выполнения поручений Правительства. Кто-то говорит, что один-два дня. Это не так. Приходите ко мне на работу, я вам покажу массу поручений правительства, у которых срок два-три месяца. Это достаточно весомый срок, чтобы обдумать, подумать, разместить, поговорить с экспертами, пообсуждать на различных площадках и так далее.

Еще говорили про налоги и зарплаты, что мы платим налоги, а чиновник на них существует. Вы знаете, мы тоже платим налоги, все госслужащие, поэтому здесь, в принципе, все в части лоббистской деятельности.

Толмачева И.В.: Илья, очень много вопросов у коллег с вами. Что за проект у вас готовится, а вы нам не показываете? Очень любопытно.

Клочков И.И.: Его не мы готовим, это проект «Национальный план на 2014-2015 годы», пишется Администрацией президента.

Реплика: А на regulation.gov.ru он появится, или Администрация не вешает?

Клочков И.И.: Нет, regulation.gov.ru – портал раскрытия информации о правительственных, а Администрация президента – это не Правительство, это отдельный орган от власти.

Логинов А.В.: [01:14:30] Меня попросили сегодня рассказать вкратце о механизмах Открытого Правительства, которое я представляю. На самом деле, сегодня уже много говорилось и о проблематике взаимодействий государства, в первую очередь в лице ФОИ с одной стороны, и в бизнесом в другой, и о тех же самых механизмах Открытого Правительства, поэтому я не буду системно рассказывать, а попытаюсь отреагировать на некоторые интересные мысли, которые возникли в ходе обсуждения. Вкратце про Открытое Правительство скажу вот что.

[01:15:01]

В общественном мнении существует неправильный стереотип, с которым наши пиарщики борются, но как-то не очень сильно, и на это есть причины. Распространено мнение, что Открытое Правительство – это некая организация, которая существует, как параллельное Правительство в дополнение к тому Оппозиционному Правительству, которое в Белом доме. Это неправильно. Открытое Правительство – это не организация, это концепция. Да, существует специально созданный под это дело министр по делам Открытого

Круглый стол №3.

«Лоббизм в несырьевых секторах экономики: как есть и как должно быть»

Правительства Абызов, у него есть Департамент в Белом доме, который занимается документооборотом и организационной работой, и есть так называемый проектный офис, существующий в формате НКО, который сидит совершенно в другом месте. Как я уже сказал, Открытое Правительство – это не организация, а концепция, которая предусматривает целый комплекс действий, как сделать то, чтобы то самое белодомовское конституционное Правительство становилось более открытым для общественности, более подотчетным и, если хотите, более влияемым. Механизмов много, и где-то половину механизмов составляет все, что связано с открытостью, с открытыми данными. Недостаточно просто произносить мантры «Надо быть открытыми, надо быть открытыми, транспарентными, прозрачными». Люди, которые исполняют эти решения, они этого не понимают. Им необходимы методические указания, куча всяких поддерживающих инструкций, методической базы, вплоть до того, что открыть поля, где на сайтах должны какую информацию содержать. То есть все это нужно прорабатывать, делать стандартно, едино так, чтобы с этими массивами данных можно было работать, и все то, что Илья говорил, реализуется в виде различных порталов открытых данных, которые либо уже есть, либо создаются у всех ФОИВ, у всех региональных органов власти, а также на уровне муниципалитетов и городских сельских поселений уже началось внедрение подобных вещей. Есть порталы, подобные regulation.gov.ru, где любой нормативно-правовой акт, готовящийся в недрах Правительства, но там есть короткий список исключений, он вывешивается. Правда, у меня есть ощущение, что простому человеку там очень сложно разобраться, и до определенного времени даже журналисты, пишущие на экономические темы, там достаточно сильно плавали. У Димы Бутрина из «Коммерсантъ» есть рубрика «Адская [01:17:59] почта». Он из regulation.gov.ru выискивает самые интересно звучащие, вывешивает, и публика смеется над этим. Но шутки-шутками...

Реплика: Механизм работает.

Логинов А.В.: Механизм работает. К сожалению, общественность еще не научилась пользоваться полностью тем богатым функционалом, который он закладывает. То же самое у порталов открытых данных. Да, сейчас практически по каждому сельскому поселению вы можете найти его бюджет, причем это просто гигантская таблица. По каждой деревеньке вы можете это найти, это уже открыто. Другой вопрос: можете ли вы этим пользоваться? Существует ли достаточное количество экспертных организаций, журналистов, которые с этим массивом математики, могут его переводить на человеческий язык – наверное, еще пока нет. Примеров можно найти гигантское количество. Осенью был скандал в СМИ, чуть ли не люди с пикетами выходили. Вышел какой-то новый приказ Департамента здравоохранения Москвы об изменении в порядок оказания скорой помощи. Это было в августе, по-моему. Когда стали копать, то выяснилось, что этот проект приказа провисел в открытом доступе до его принятия энное количество времени, никто его не заметил, потом приказ вступил в силу, и никто не почувствовал на себе, потом прошло какое-то время, какой-то журналист увидел, что «Ага, есть такой приказ», опубликовал, и все кинулись. Примерно так. Есть и такая точка зрения. Может быть, оно было и по-другому, на самом деле, но преподносится так. Это что касается открытости.

[01:19:57]

На самом деле, вторая половина механизмов Открытого Правительства – это самые разные формы вовлечения общественности, в первую очередь общественности

Круглый стол №3.

«Лоббизм в несырьевых секторах экономики: как есть и как должно быть»

экспертной, отраслевой, то, что у нас называется словом «лоббисты» в общественный контроль над детальностью ФОИВ. Это реализуется на двух уровнях: есть Экспертный совет при Правительстве РФ, куда формально входит 200 членов, их список лежит на сайте. В экспертной работе может участвовать любой человек, это абсолютно открытый формат. Там есть внутрирабочие группы по темам. Можно все делать, но что имеет смысл, а что даже и не пытайтесь, эффекта не будет, это я попозже скажу.

И второй пласт механизмов – это общественные советы при ФОИВ. Не смейтесь.

Реплика: Я удивляюсь.

Логинов А.В.: Я тоже смеюсь очень много на эту тему. Начиная с осени началась работа по реформированию общественных советов при ФОИВ (она очень плавно идет). Что такое общественный совет при ФОИВ? Там есть обязательно балерина, космонавт, какая-то певица (если мы говорим про Минобороны), у МВД есть тоже хоккеисты. Этот совет министры формируют приказом, он их обзванивает. Если это звезда, он сразу позвонит, скажет: «Алла Борисовна, хотим вам предложить». Это действительно так и есть. Раз в квартал они собираются, обсуждают ритуальные моменты, иногда на обсуждение туда выносятся какие-то существенные...

Остарков Н.А.: Чуть не так.

Логинов А.В.: Я про прошлое рассказываю, не про сейчас. Я про сейчас расскажу. В некоторых ФОИВах до сих пор так и есть, которые еще не попали в эту реформу. Есть, есть.

Реплика: Слушайте, ФОИВ, с которыми мы сталкиваемся, во всех так и есть.

Остарков Н.А.: Смотрите, есть перечень программных моментов, утвержденных 877 постановлением. Если не обсудить эти перечни документов на общественном совете, невозможно внести их в Правительство, потому что оттуда вынесут.

Логинов А.В.: Да, но коллеги пока об этом не знают еще.

Остарков Н.А.: Нет.

Логинов А.В.: Давайте я поясню. Сейчас идет реформа, и я сейчас рассказываю, как это было до реформы. Звериный оскал общественных советов, как оно было «до». Там были балерины, певцы и хоккеисты. Раз в квартал их собирали.

Остарков Н.А.: Сейчас то же самое, только не балерины, а из общественной палаты.

Логинов А.В.: Николай, мы дойдем до Общественной палаты. До ее морального облика мы дойдем.

Остарков Н.А.: Так там они и есть балерины.

Логинов А.В.: Мы сейчас обсуждаем моральный облик Общественного совета. Раз в квартал министр собирает, обсуждает важные, иногда даже дико важные и существенные моменты. Если Общественный совет согласен, министр говорит: «Ура, даже и Общественный совет со мной согласен». Если Общественный совет не согласен, все выкидывается в помойку, потому что не обязаны, у Общественного совета нет никаких полномочий. Так было до сих пор.

С осени началась серьезная, фундаментальная работа по реформе Общественных советов. Сейчас пока существует рекомендательное положение об Общественном совете, но в ближайшие месяцы ему будет придан статус обязательного. Это некие единые стандарты, которые описывают реально очень широкий круг полномочий общественного совета, и абсолютно новый порядок их формирования. То есть теперь их формирует уже не министр, подписывает приказ, который ему приносят новым составом совета, но формируется он по принципу представительства референтных групп, на поляне которых это министерство работает. То есть если мы говорим, допустим, о здравоохранении, там обязательно должны быть представлены фармацевты, обязательно врачебные объединения, пациентские объединения и все, кто там...

Остарков Н.А.: Вот у меня перечень Общественного совета Минздрава, потом найдете здесь фармацевтов.

[01:25:06]

Логинов А.В.: Я не несу никакой ответственности за общественные советы, но, тем не менее, критику вашу принимаю. Процесс идет, как минимум полгода это займет.

Недавно по новым правилам и принципам сформирован Общественный совет у Минтруда. Вы бы видели, как там проходят заседания. То есть это абсолютно бескомпромиссный орган, он лезет во все. На самом деле, новый орган напоминает чем-то то, о чем говорил Евгений, ссылаясь на Вячеслава Алексеева, который, в свою очередь, ссылаясь на опыт США, где при министерстве есть комитет, куда входят люди, которые имеют право совать нос во все дыры и требовать любые документы, пусть даже под обязательством о неразглашении. В принципе, у нас идет к тому же. То есть понятно, что мы не можем наделить общественный совет распорядительными функциями, иначе у нас получится второе министерство. А зачем это нужно? Каков мандат этого Общественного совета для того чтобы решать общенародные задачи? Правительство назначено президентом, Госдумой, которая избрана народом, и отсюда проистекает этот мандат, а вот список, который вы открыли, там 42 уважаемых человека, но у них нет мандата на то, чтобы распоряжаться всей отраслью в целом, есть и другие участники «Зарницы». Поэтому распорядительными полномочиями Общественный совет наделен быть не может, это не может быть параллельное теневое министерство, но как орган общественного контроля – да. И по новым правилам, которые медленно, но верно будут входить в нашу жизнь, Общественный совет – это независимый орган, который может совать нос во все дыры министерства, кроме вещей, отнесенных к государственной тайне, да и то, наверное, там будут какие-то механизмы. Про Минздрав я вам потом расскажу, чтобы не утомлять коллег конкретными примерами про Общественный совет Минздрава. Там очень непростая ситуация, хотя министерство всегда на слуху.

Чтобы быть предельно честным, я скажу: через механизмы Экспертного совета при правительстве что следует делать, а что нет.

Достаточно хорошо что проходит – это когда есть поручение, например, Дворковича Минпромторгу в формате Открытого Правительства обсудить, подготовить предложения. Возникает поручение также Мантурову и соисполнителю Абызову, и с этим поручением мы можем ходить по всем ФОИВ, это как шенгенская виза, открывает двери во все места. Если поручения нет, то ваш статус уже непонятен. Не далее, как сегодня у нас в Экспертном совете будет рассматриваться проект постановления Правительства,

подготовленный Минпромторгом о запрете госзакупок импортного медицинского оборудования. Достаточно скандальная вещь, но на него нет поручения, это была инициатива Экспертного совета. Представители Минпромторга в этом заседании участия не принимают, они говорят: «Мы не хотим. У нас поручения нет. Зачем мы пойдём? Вы нас все равно будете ругать, критиковать». Тем не менее, могу сказать, что, скорее всего, перспективы того, что этот проект постановления будет остановлен уже в недрах Правительства весьма высоки, если только не выяснится, что это часть нашего ответа Чемберлену в связи с последними политическими событиями. В этом случае бесполезно лоббировать, вы все знаете, хоть улоббироваться. Если решение принято на самых высоких политических этажах – не лезьте туда, только зря потратите время.

Итак, через механизмы Открытого Правительства достаточно эффективно останавливают дурные инициативы, если они рождаются внутри Правительства и его ФОИВ. Гораздо более сложно – это инициировать что-то, то есть рожать какой-то новый НПА или какую-то новую инициативу внутри себя, вне Правительства, и пытаться ее навязать Правительству. Это сложнее, но тоже можно. Здесь нужно понимать. Коллеги уже говорили, что в каждой отрасли есть продавец, и есть покупатель, и их интересы по определению всегда будут диаметрально противоположны. Более того, внутри производителей есть, если идти по всей цепочке, то, условно, на каждого производителя шарикоподшипника найдется свой производитель шарика, с которым они будут иметь диаметрально противоположные интересы, и вы здесь, к сожалению, не уйдёте от этого, и министерство здесь не виновато, что оно вынуждено быть арбитром.

[01:30:28]

По фармацевтам вы можете обижаться на Минздрав сколько угодно, но там есть Врачебное сообщество. Это сложные люди, но это те люди, которые лечат наших сограждан.

Реплика: Там нет речи об обиде на Минздрав. Минздрав – это определенная система, так же, как и любое другое министерство, по определенным правилам.

Реплика 2: Я сожалею, если то, что я сказал, вы услышали, как обиду.

Логинов А.В.: У них есть законное право обижаться, они серьезные люди.

Реплика 2: Нет, каждое министерство выполняет те задачи, которые им ставят. Им задачи ставим не мы, наша задача – с использованием этого механизма достичь тех целей, которые стоят перед нами, вот и все. То есть Минздрав здесь ни хуже, ни лучше, такой же, как Минпром, как Минтруд и другие наши министерства. Здесь проблема в том, если говорить по общественным советам, с нашей точки зрения, что это все превращается в некоторую имитацию, то есть в замену реального экспертного контакта между министерством и отраслью в нормализованный процедурный контакт с общественными деятелями, значительная часть которых, к сожалению, весьма склонны к популизму.

Логинов А.В.: Еще раз говорю, Минздрав – это уходящий случай, потому что в рамках той реформы общественных советов, которая задумана, должно все меняться. Это не за один день, к сожалению.

Мы остановились на том, что тоже надо ФОИВ понимать, они между молотом и наковальней в любом вопросе. Любой чиновник, и чем ниже по иерархии, тем сильнее

проявляется, что он любит и не любит. Что проходит на «ура» – это всяческие ужесточения, усиление контроля, потому что это всегда хорошо, а что не любят – это любая либерализация, и не потому что там сидят люди, такие антинародные тираны, а потому что любой чиновник боится обвинений в превышении полномочий, он боится, что по нему будут какие-то коррупционные дела, он боится прокурора. Вот он снимет какую-то меру контроля, а в стране произойдет ущерб, не дай бог, что-то случится с какими-то пациентами. Обвинение на кого? На него. Раньше контролировали продажу боярышника из аптек, сейчас сняли контроль, люди пошли, 200 грамм боярышника выпил и умер. То есть любой чиновник, в первую очередь, оценивает те инициативы, которые он будет продвигать, с точки зрения последствий для него лично, и чем ниже, и особенно на региональном, муниципальном уровне это вообще катастрофа, то есть там они связаны угрозами силовых органов просто по рукам и ногам, там один шаг влево, шаг вправо – все, коррупция. Вот тоже как-то нужно понимать. Мы все понимаем, что у нас сейчас государственная власть, госаппарат просто небо и земля отличается от того, что было 20 лет назад. Конечно, еще есть проблемные моменты. Давайте тоже иногда с пониманием относиться к тем людям, которые работают на нас за наши налоги.

И по поводу механизмов и возможностей. Вы все это и так знаете, что механизмы – это всего навсегда механизмы. Это как в фитнес-клубе: вы приходите, платите членский взнос, но вам никто за ваши деньги не гарантируют мышцы. Вам гарантируют, что вам дадут тренажеры, пятое-десятое, и как вы себе это отработаете – это зависит от вас, то есть клуб вам результат не гарантирует.

Это все.

Толмачева И.В.: Я предлагаю пять минут еще Кириллу Петрову, и пять минут Александру Конькову, и будем задавать вопросы к докладчикам.

Петров К.: Я сначала приведу пример для затравки, а все оценят, лоббистская это практика, регулируется ли она как-то.

[01:35:16]

Пример простой. ФОИВ, ему нужна экспертиза, допустим, на какую-то деятельность, это может быть программа или подзаконный акт, а может даже и большая программа, про которую говорили: «Он ее должен заказать. Он делает это в рамках госзакупок, и выставляет лот на НИР, а цена лота, например, 100 тыс. рублей, а объем работы реально может быть и на пять миллионов», то есть очень большой. Дальше, вы говорите, все прозрачно. Какой-нибудь ФГУП выигрывает этот НИР, и отлично за один месяц за 100 тысяч рублей пишет то самое, что потом пойдет в разряд НПА. А как он это делает? Я думаю, не надо объяснять, что он за 100 тысяч не может сделать это. Значит, за этим есть некая другая схема, по которой это реализовано, а это просто некий инструмент имплементации того, что нужно какому-то хозяйственному субъекту в конкретном вашем **[нрзб] [01:36:20]**, которое вы потом получите в министерстве, и даже не будете знать, кто это пролоббировавал.

А теперь о более общих вещах. Мне кажется, что даже в рамках нашего обсуждения достаточно очевидно, что под лоббизмом в России мы понимаем только деятельность ФОИВов, то есть Госдума, она полностью не нужна в этой деятельности. Это достаточно очевидный из нашего обсуждения фактор реальности. Мы можем поговорить о лоббизме с трех сторон. Есть подход государства, мы его для себя формулируем следующим

образом, что в идеале, что сейчас хочет государство добиться, чтобы интересы и лоббизм экономических субъектов шли только в рамках осуществления госпрограмм, то есть все заложить в огромные бюрократические структуры, которые принимаются на пять лет, а кто не успел, тот опоздал. Это могут делать только очень крупные игроки, то есть мелким игрокам здесь не достается вообще никакой роли. И, в принципе, второе, о чем говорили наши многоуважаемые коллеги из министерства – это ограничение нежелательных лоббистских практик. То есть мы по-прежнему считаем, что лоббизм – это что-то плохое, что-то, связанное с коррупцией, и будем их ограничивать. Что считает государство нежелательным? Да в принципе все в законодательстве уже введено. Например, у нас уже есть запрет практики вращающихся дверей, правда, случаев того, чтобы как-то за этим следили, нет (спящие практики). Обязанность декларирования конфликта интересов тоже есть в законодательстве. Там очень плохая парциализация этих историй, и она не работает. Запрет на совмещения занятий бизнесом и работы депутатов Федерального Собрания понятен, хотя непонятно другое, потому что в региональных Заксобраниях большинство депутатского корпуса – это как раз бизнесмены, то есть тут небольшая шизофрения, на мой взгляд. Может быть, это тоже поправят. Что это такое? Получается, что у государства лоббизм – такая реверсивная полоса, и запрещающих знаков для бизнеса там все больше и больше. Я думаю, что выступление пойдет на те практики, которые субъекты и ассоциации считают легитимными и хотят устанавливать именно те неформальные связки [нрзб] [01:38:40] ФОИВов, потому что им это нужно для эффективного взаимодействия. Я думаю, будет выступление именно на эти лоббистские практики. То есть с точки зрения бизнеса они легитимные, с точки зрения власти они нежелательные. Объяснил выше, почему так, как я понимаю государственный подход.

А теперь о нормативном подходе, который совершенно идеалистический, но, мне кажется, должен прозвучать, за что мы выступаем персонально. Мы выступаем персонально за то, чтобы лоббизм понимался в свете эффективности госуправления и коммуникации. То есть не процесс какой-то отраслевой, причем. опять же, можно говорить о том, что и государство можно понять, потому что никакого лоббизма вообще и в общем за все хорошее не существует, существует отраслевой лоббизм в конкретных отраслях, и он зависит от ситуации в самой отрасли. Отрасль может быть консолидирована в ассоциацию, может быть не консолидирована в ассоциацию, внутри отрасли может идти какая-то борьба, в которой, как правило, получит преимущество компания с госучастием, или же две отрасли могут между собой воевать, и тут тогда преимущество получит та отрасль, которая находится в государственном приоритете. Эти отрасли всем известны, они всегда будут побеждать те отрасли, которые не в приоритете. Тут есть политический подтекст, он может быть использован, но это уже политика, а не лоббизм.

[01:40:00]

Что должно стать целью регулирования, если мы ставим своей задачей эффективность госуправления? Все-таки это те персонализации коммуникации власти с агентами экономической деятельности, прозрачность связи частных экономических интересов и политического процесса. Мне кажется, на этом и надо сосредоточиться. То есть тут понятно, что никогда не будет видно позиции бизнеса и полностью позиции государства тоже не будет видно, потому что сколько ни запрещай все эти нежелательные лоббистские практики, они, так или иначе, будут появляться, потому что даже то, что вводится в НПА, оно, по сути, не работает, или найдутся всегда способы это обойти. Вот такой общий взгляд на ситуацию.

Толмачева И.В.: Спасибо, Кирилл. Илья Клочков хочет нас покинуть, поэтому предлагаю задать вопросы к Илье. Два-три вопроса.

Никифоров А.: Уважаемые коллеги, я представляюсь. Никифоров Анатолий, политолог, «ОНФ», доверенное лицо Путина. У меня вопрос прямо адресован совместно Илье Клочкову и представителю Открытого Правительства. С момента вашего создания до сегодняшнего дня вообще какие результаты дало министерство, какой продукт и какую пользу вы принесли? Вы сказали: «Чиновник боится коммуницировать с общественностью, есть рамки секретности». Конечного результата какого-то вы не выдаете, о вас ничего не слышно, вы получаете бюджетные деньги. Давайте подумаем, вообще нужен ли этот инструментарий? Я с большим уважением отношусь к господину Титову, который на амбразуру бросился, и поддержку, наверное, Остаркова Николая, который сказал, что институты созданы, а результатов не существует. Вопрос параллельный: почему министерство, почему чиновники не дают информации о своей же структуре, которая должна информировать общественность о ее деятельности? Я задавал этот вопрос Абызову, он ничего не сказал, он не мог просто сказать. Задавал вопрос Чубайсу, он тоже этого не сказал. Сейчас стоит вопрос: вообще, это надо? Может, он просто не нужен.

Клочков И.И.: Говорить не буду, я не знаю. Мы активно сотрудничаем со всеми общественными организациями, с Открытым Правительством, с экспертом. Мы никого не боимся, мы приглашаем, к нам постоянно приходят и Брагин Александр, и Шапочка Екатерина, и мы обсуждаем на совершенно различных площадках. Я не знаю, кто боится.

Никифоров А.: Результатов нет, пустая структура. Деньги съедаются, а в результате ничего. Открытое Правительство, что оно делает?

Клочков И.И.: Люди, которые в Экспертном совете, они работают в совершенно различных отраслях. Как я понимаю, они работают там на общественных началах, которые члены Экспертного совета. Какие бюджетные деньги? Результат виден только для нас, когда коллеги из Экспертного совета дают нам какие-то предложения, и мы их либо учитываем, либо не учитываем, либо соглашаемся, либо нет.

Никифоров А.: Подождите, создано министерство так называемое, которое предлагает Абызов...

Клочков И.И.: Министерство не создано, есть министр.

Никифоров А.: Министр, хорошо. У него есть аппарат, он получает деньги.

Реплика: Коллеги, его министерство – это вы. У него нет министерства, он без портфеля, это вы. Если вы считаете, что вы не дали результата...

Никифоров А.: Я такой же гражданин страны, как вы.

Клочков И.И.: Я еще вернусь к Общественным советам. Благодаря нашим совместным усилиям с Михаилом Анатольевичем Абызовым сейчас в Общественные советы не входят чиновники вообще. Ложку дегтя можно найти везде, но сейчас это очень сильный ресурс именно общественного контроля, потому что, подчеркну, есть перечень актов, который не обсудивши на Общественном совете, он просто не внесется в Правительство, и там должно быть приложено мнение Общественного совета, в который чиновники не входят. Да, если дать какие-то дополнительные полномочия Общественному совету – это

Круглый стол №3.

«Лоббизм в несырьевых секторах экономики: как есть и как должно быть»

будет серый министр, но это не целесообразно по разным причинам. Но эта перезагрузка идет, и сейчас общественные советы будут собираться. У нас собирается каждые три недели, потому что документов немеряно, 29 департаментов, все выпускают, нельзя выпустить документ и его не обсудить на этом Общественном совете. Это очень сильный механизм. Почему?

[01:45:04]

Реплика: Что дальше делать с Открытым Правительством?

Клочков И.И.: Первое: давайте про принцип Открытого Правительства, согласны ли мы с тем, что у нас государство должно работать прозрачно. Мы сходимся с вами в этом тезисе. Это впервые проявилось в Правительстве, и это стало общим местом, то есть никто не оспаривает. Нужно было сделать этот шаг, нужно было создать эту немножко виртуальную структуру, чтобы больше никто не сомневался, что мы собираемся заниматься принятием прозрачных решений на уровне госорганов. ОРВ – это механизм, который позволяет найти баланс интересов. Конечно, на сегодняшний день он несовершенен, и мы его критикуем. Я являюсь сторонником той идеи, что надо насильно навязывать, чтобы ОРВ учитывало интересы всех заинтересованных сторон, даже если это какой-то очень маленький потребитель. Нам надо выработать такой механизм, что он не может вкладывать деньги в ОРВ, но мы его должны услышать, потому что у государства надо изымать роль того, которое развивает отрасли. Не должно государство развивать отрасли, это задача экономических субъектов. Задача государства – найти баланс интересов. С этой точки зрения и Открытое Правительство, и система ОРВ нужны. Другой вопрос, что у нас на сегодняшний день есть два органа, которые могут заблокировать любой банк: это Минфин, который говорит: «Денег нет, идите в зоопарк [01:47:08]»...

Реплика: Их нет никогда.

Клочков И.И.: ...да. И второе – это у нас Минюст, который в любом НПА может найти нечто, что будет связано с коррупцией. Эти механизмы прозрачности, их надо дожать, и, возможно, нам нужно обсуждать вместе с ОНФ, вместе с деловыми сообществами, чтобы у нас в стране появился некий внеправительственный орган – что звучало у Цыганкова на семинаре, – который бы имел право принимать окончательное решение по НПА. Возможно, это Минэк, но ему эту функцию надо передать. То есть при всех иных разногласиях при учете баланса интересов всех стороны, а ОНФ создается именно как организацию, которая позволяет поймать всех малых потребителей, то есть учесть интересы граждан, бабушек, у которых нет денег, на самом деле. У энергетиков есть деньги написать здоровенный НПА, защитить его, и сказать: «[нрзб] [01:48:06] через пять лет». У крупных потребителей есть, у бабушек нет. Очевидно, что [нрзб] в этом заключается.

Создание этого органа или во что должно превратиться Открытое Правительство, надо обсуждать. Я бы не ставил под сомнение необходимость их дальнейшего существования.

Антон: Антон [нрзб] [01:48:39], Ивановская область, представитель малого бизнеса. Хочу реплику. На федеральном уровне сейчас услышал, как это все организовано, хочу отметить, что на местном уровне в малых городах все эти понятия по-другому. У нас лоббизм сводится к одному: тот, кто лоббирует интересы, они имеют блат, и это везде. И то, что у нас депутаты, в основном, выходцы из бизнеса – это для регионов обычная

практика. Чиновники имеют возможность эти деньги в регион привезти, а как они их могут обналичить, чтобы заработать? Все сводится к тому, чтобы заработать, и с помощью бизнеса они эти деньги просто зарабатывают. Может быть, система так построена, но в регионах все совсем по-другому трактуется. Не так, как хотите в Правительстве.

[01:50:10]

Никитин [01:50:10] Сергей: **Никитин** Сергей, «Трубная Металлургическая компания». У нас просто руководитель участвует в работе Экспертного совета в Правительстве, и, так или иначе, мы имели отношение к подготовке ряда дорожных карт АСИ, которые готовятся и реализуются совместно с Минэк. На ваш взгляд, суммарный эффект кроме повышения рейтинговых позиций России по ряду направлений в Doing Business эффект в чем? Эффект дорожных карт и всех этих инициатив. Честно говоря, насколько мне понятно, а я пытаюсь следить за всей ситуацией, получается так, что разобраться в дорожных картах – это очень хорошие документы, и очень хорошая возможность многим людям из регионов проявить себя, когда они работают в рабочих группах, по дорожным инициативам Правительства нужно особую квалификацию. Разработаны замечательные документы, но их дальнейшая судьба, как я понимаю, не очень завидная, потому что они требуют принятия большого количества документов, и в министерских коридорах все эти инициативы потихонечку начинают глохнуть. То есть принятие огромного количества управляющих документов, которые позволяют достичь эффекта, например, сокращения значительного количества процедур при ведении строительных работ, и уменьшение стоимости жилья, потому что огромное количество процедур приводят к тому, что у нас жилье просто неподъемное в стране. Этого не происходит. То есть у нас процедуры идут, идут, идут, дорожные карты принимаются и принимаются, а толку нет. В целом, если вы видите эффект этой большой серьезной работы, в чем он сегодня?

Толмачева И.В.: Мне кажется, это вопрос не к Илье.

Клочков И.И.: Про дорожные карты. Большинство дорожных карт закончены в 2013 году, потому что конкурирующие системы, и в этом проблема. В дорожной карте написано в 2014 году порядка 70 мероприятий, и это связано с тем, что должны пройти законопроекты. Уже ответ есть, то есть мы после 2014 года сможем понять, заработают они или нет. Например, список по окончательному количеству согласований, который должен быть полностью завершенным, он буквально в ближайшее время будет только запущен в принятие в качестве законопроекта на базе московского. То есть мы его запустим, и 70% мероприятий закончатся в 2014 году. Они закончатся, и тогда мы сможем сказать, заработали дорожные карты или нет. Мы как в том анекдоте – «**[нрзб] [01:53:46]** Косится». Не получится так. Вы вопрос уже задавали. Во-первых, топите тему неправильно абсолютно, во-вторых, задаете вопрос, немножко не поинтересовавшись. После 2014 года на 2015 год поставлена точка, должны все карты пройти. Вот там и посмотрим. Есть всего лишь две карты, которые более-менее продвинулись: это по строительству и внешнеэкономической деятельности. По ним еще можно что-то, а остальные все только в работе находятся. То есть законопроект, сколько Дума его будет принимать. Мы сможем что-то о них говорить в конце 2014 года. Очень хорошее действие сделал Беляков: «Давайте в 2015 году поставим точку, не будем их продолжать, тогда посмотрим, получилось или нет». При этом идет еще доработка дорожных карт. То есть по строительству не учли одно, второе, третье. Сейчас туда доносится И Минстрой по дорожной карте сказал: «Все законопроекты, которые от вас выйдут, в том виде, в

котором они выйдут практически по дорожной карте, они все будут акцентированы, то есть запущены от имени Минстроя». Что еще-то?

[01:55:17]

Я повторяю свой начальный тезис: давайте сосредоточимся. Вот есть строители, они сейчас сосредоточились на своей дорожной карте, есть другие отрасли, они тоже должны там бить в одну точку, и пройти по всему этому, причем работая правильно. Тут я с Абызовым согласен, он говорит: «Если вы хотите что-то изменить, вы внесите это все-таки через дорожную карту, не обходите». Мы проводили форум по антимонопольному законодательству, а есть карта по законодательству. Мы бы получили напрямую поручение Медведева, какие изменения нужно внести в это антимонопольное законодательство. Это неправильно с точки зрения методологии. То есть надо их сначала интегрировать в дорожную карту, и потом биться за то, чтобы они туда попадали. Вот это уже грамотно. В этом смысле Открытое Правительство может быть таким хорошим мозговым интегратором всех этих процессов. Если бы оно эту функцию выполняло, не пытаясь создавать каждый раз велосипед, по поводу каждой дорожной карты создавать новую рабочую группу, и снова идти по ней, и говорить: «Давайте мы еще одну дорожную карту создадим», а занимала бы интегрирующую функцию, что сам Абызов отлично понимает и демонстрирует. Но, к сожалению, у них на экспертном уровне происходит так, что начинается изобретение велосипеда по всем различным направлениям, и тогда получается следующее. Есть какой-нибудь ФОИВ, и в него идут два сигнала: от АСИ, а другой от Открытого Правительства. И что ему делать? Они там начинают друг другу где-то противоречить. А есть еще лоббистская деятельность той же моей любимой «Деловой России» – вот третий сигнал пришел. Какой из них выполнять? И все, и другие прикрываются, что «Мы стратегически меняем отрасль».

Толмачева И.В.: Спасибо, еще два коротких выступления. Александр Коньков.

Коньков А.Е.: Александр Коньков, Аналитический центр при Правительстве РФ. Коллеги, я предлагаю вернуться к изначальному тезису, который наш уважаемый модератор сегодня предложил для дискуссии в плане поиска почвы для объединения различных специалистов, которые занимаются связями между государством и бизнесом, и в этом плане я бы оттолкнулся от высказывания коллеги из «Деловой России» насчет того, что мы все время ходим по кругу, все время обсуждаем одни и те же вопросы, и это вполне обосновано, потому что обсуждается то же самое, что и год назад, и два года назад. Единственное, что про западный лоббизм мы не вспомнили, но, в принципе, я думаю, что каждому найдется, что по этому поводу сказать.

Мне кажется, что вместо того, чтобы придумывать какие-то новые институты, новые формы сотрудничества, может быть, стоит подумать именно в плане возможного объединения насчет поиска новых отношений? А именно таких новых лоббистских направлений, связанных уже не столько с отношениями между государством и бизнесом, сколько отношениями между бизнесом и уже надгосударственными объединениями, может быть, даже другими организациями, то есть в глобализационном контексте, в котором это государство уже вписано в качестве одного из субъектов. В частности, мы можем говорить о том, что мы знаем и разные стандарты, которые принимаются на госуровне, они приходят из других институтов, из других стран. Можно говорить о том, что формируются надгосударственные организации. В частности, можем ли мы уже говорить, например, о лоббизме не в рамках России, а в рамках Таможенного союза, в рамках

формируемого Евразийского экономического союза, поскольку там принимают сейчас довольно важные и обсуждаемые документы, которые тоже превращаются в определенные проблемы, которые потом превращаются в новостные поводы. В этом отношении очно полезно, мне кажется, подумать о том, какие механизмы здесь могут быть задействованы. В первую очередь, наверное, стоит говорить о том, что есть всевозможные как межстрановые, так и, опять-таки, надгосударственные различные деловые советы, которые действуют в рамках АТЭС, ШОС, но все они действуют достаточно индивидуально без какой-то общей стратегии, без каких-то единых системных подходов, и, скорее всего, отражают интересы исключительно тех структур, которые в них входят.

[02:00:21]

Во вторую очередь можно было бы подумать о различных международных организациях, в которых Россия состоит, в которые платит большие деньги, но, по большому счету, там никто не участвует просто потому, что об этом никто не знает. Это Международное энергетическое агентство, Международный союз электросвязи, Организация по сохранению лосося и прочее. Это те структуры, в которые ежегодно из федерального бюджета выплачиваются большие средства в качестве регулярных ежегодных взносов, но там никто не работает, и никто из хозяйствующих субъектов там не представлен, хотя мы просто держим там флаг Российской Федерации, но никаких интересов и задач там не продвигается, не обсуждается.

Можно говорить также о различных международных экспертных сетях, которые сейчас активно развиваются. То, что звучало насчет социальных сетей, во многом идет в той связи, что обсуждение различных тематик, которые выносятся на международные деловые форумы, они происходят часто не столько в ходе самих форумов, особенно с высоким представительством, а на дальних подступах именно в экспертной среде, в которой Российская Федерация достаточно слабо представлена, и вынуждена просто, в конечном счете, соглашаться на те решения, которые уже обсуждены без нее в соответствующих структурах. И, мне кажется, говоря об Открытом Правительстве, я тоже вспомнил о том, что Открытое Правительство не было у нас здесь придумано, оно пришло в нашу страну из более продвинутых в этом отношении государств, и там эти институты уже давно существуют, используются, но использоваться они могут не только гражданами самих этих стран, но и использоваться теми хозяйствующими субъектами, которые в этих странах работают, но на сегодняшний день также не используются. Условно говоря, единственное, что мы уже слышали про электронные петиции, которые используются на сайте Белого дома, где можно продвигать различные инициативы, но также системного подхода со стороны отечественного бизнеса предложено пока, наверное, не было, хотя подумать об этом можно было.

И в заключение хочу сказать, что в целом нужно думать в плане такого ассоциативного объединения, потому что российский бизнес тоже должен занимать уверенную позицию, и становиться полноценным участником то, что мы сегодня называем мягкой силой, общественной дипломатией, потому что на сегодняшний день в большей степени общественные структуры уже прочувствовали необходимость таких инструментов и участвуют в этом, а вот хозяйствующие субъекты и деловые объединения представлены пока слабо, но, в конечном счете, про прелести западного образа жизни нам ведь тоже не Госдеп рассказывает, и точно также мы не должны полагаться на то, что МИД должен

Круглый стол №3.

«Лоббизм в несырьевых секторах экономики: как есть и как должно быть»

рассказывать про те преимущества российского бизнеса, которые у него, безусловно, есть.

Сушинский С.: Сергей Сушинский, фонд «Защита нации». Наш фонд работает уже четыре года, я являюсь его руководителем. Также я являюсь помощником депутата двух созывов, и был тренером на программах развития Организаций Объединённых Наций. Проводился ряд законодательных инициатив. Одна из них – это нашумевший антитабачный закон. Насколько я понимаю, здесь только лоббисты от бизнеса. Скажите, а можете поднять руки, кто так же, как и я, занимается общественным лоббированием? Есть такие люди? Один человек. Мы двое здесь.

Реплика: Общественное и политическое.

Сушинский С.: Понятно. Общественный лоббизм еще менее развит, чем бизнес лоббизм. Я на эту тему в России нашел всего одну книгу. Сейчас издается под моим авторством, видимо, вторая в России книга, и более комплексная. В мое понимание общественный лоббизм – это согласование интересов четыре сторон: общества, власти, журналистов и ученых, то есть когда есть научное доказательство какой-то проблемы, пути ее решения, журналисты это освещают, общественная организация доносит свою позицию до власти, она принимает решение. У нас механизм, в принципе, отточен, и по опыту прошедших 8 лет, по антитабачному закону это 3-4 года, этот лоббизм тоже работает.

[02:05:31]

Неоднократно уважаемыми выступающими поднимались проблемы бизнеса, что государство не очень внимательно к бизнесу, и часто те вопросы, которые принимает бизнес, власть не воспринимает с должным уровнем доверия, внимания. Я думаю, что есть несколько проблем, и я вы больше специалисты в этом, чем я, но я вижу, по крайней мере, одну из этих проблем – это то, что бизнес в недостаточной степени работает с обществом, с некоммерческими организациями, потому что у НКО есть большое доверие от государства, потому что НКО – это независимое НКО. То есть когда люди увидели проблему, стали решать, то их заинтересованность, она социальная, гуманитарная, не финансовая, не какая-то другая, поэтому государство в целом доверяет некоммерческим организациям, если они независимые, опять же, и получают финансирование только в России, если это не иностранные агенты. Но проблема НКО – это во многом отсутствие финансов. У бизнеса отсутствие контактов с властью часто, поэтому мне кажется, что налаживание диалогов между некоммерческими организациями и бизнесом было бы отличным направлением. Я призываю всех присутствующих подумать об этом. Много организаций. Вот у нас есть Фонд защиты нации, мы занимаемся здравоохранением, образованием, защитой семьи и детей. Есть много организаций-партнеров, которые и в Москве, и в регионах, и в Липецке, в Томске, во множестве городов занимаются, практически до копейки тратят свое время, чтобы защищать детей, помогать им состояться, помогать семьям. Поэтому давайте вместе наладим диалог между бизнесом и некоммерческими организациями. Спасибо.

Толмачева И.В.: Спасибо. Вопрос к выступающему.

Вопрос из зала: Поскольку занимаемся лоббизмом, знаком с проблемой, кейсом антитабачного законодательства. Вот такой вопрос. Вы говорите, нужно больше доверять НКО. В вашем конкретном кейсе вы же видели, что многие НКО, которые прикрываются гражданским обществом, работали прямо на табачников? То есть как мы будем отделять,

если мы введем какие-то дополнительные возможности именно для коммерческих организаций, неважно, Фонд некоммерческого партнерства, еще какое-то общественное движение, и как мы будем отделять тех, которые действительно борются за общественные интересы, а тех, которые по их роли находятся гигантом в какой-то отрасли, например, табачной?

Сушинский С.: Просто отличить. Некоммерческие организации, которым стоит доверять, их можно отличить по двум признакам: первый признак он и созданы независимо, то есть нет аффилиации изначально при создании к бизнесу. Если бизнес создает свое НКО, то практически любой, а уж тем более табачный или какой-нибудь рекламный, то здесь, к сожалению, давление будет низкое, безусловно. Второй признак – это каким образом действует некоммерческая организация. Если она опирается на исследования, подтверждает данные Министерства здравоохранения, если говорить о борьбе с табаком, данные Всемирной организации здравоохранения, если она основана не на популизме и желании кому-то угодить, а именно на научных данных, то это является серьезным основанием, чтобы доверять этой некоммерческой организации.

Реплика: Никто не против взаимодействовать с НКО на примере нашей отрасли. Большинство НКО, объединений пациентов, которые есть, а их десятки, на контакте к фармкомпаний. Причём четко можно сказать, у каких, кто сколько платит, кто как. Тем не менее, пожалуйста, они в Общественном совете Минздрава, это публичные люди, которые прямо продвигают интересы тех, кто им платит. Они условно абсолютно самостоятельны, там деньги делаются предельно чисто, юристов в фармкомпаниях много, ничего не увидишь.

[02:10:27]

Материалы, которые они готовят – на самом деле, сложнейшие документы, большая часть – перевод мировых документов, где манипулировать данными крайне легко, пользуясь неполной компетенцией людей, с которыми ты беседуешь. И что делать? Их десятки таких. Как отличить?

Реплика: НКО, не НКО – нет никакой разницы, что вы лоббируете и от какой площадки. Защиты нет ни от найма экспертной организации, ни от найма НКО. Завтра приду к вам, предложу хороший бюджет, тогда, очевидно, будете это обсуждать.

Как отличить, за кого он пришел? Один простой принцип: нам надо его отстаивать, нам надо его прибавить и в Открытом Правительстве, и в ОРВ открыто декларировать, чьи интересы ты пришел защищать. Это ключевая позиция. Ведь Закон «О лоббизме» не нужен, как закон, нам нужна четкая процедура, которая я могу прийти, сесть и сказать: «Я представляю интересы тепловой генерации», а придет лучше кто-то и скажет, и он обязан прийти, и так должна быть устроена инфраструктура. А он придет и скажет: «А я представляю крупные металлургические компании». Придет третья группа товарищей, которая скажет: «А я представляю собственников жилья управляющей компании».

Если взять все, что сейчас обсуждается, или субъектах, которые должны сидеть, или чиновникам, и открыто заявив о своих интересах, и кого они представляют, доказывать, как они собираются, что называется, искать этот баланс. Вот о чем нужно разговаривать. НКО, не НКО, лоббистская структура, юридическая, частное лицо, ОНФ, партия – неважно. Пришел, задекларировал, аргументы выложил, разговор закончился. Чиновник ушел, вернулся – принял решение. Несогласны – идем в СМИ.

Толмачева И.В.: Вопросы?

Пляско С. [02:13:03]: Добрый день. **Пляско** Степан, МГИМО, кандидат наук, специалист по вопросам, связанным с органами власти. Коллега Марат, в прошлом тоже энергетик. Хотел сказать, что наше обсуждение здесь очень интересно. Мы посмотрели на разные площадки, но у нас получилось, что куча людей не собирается заниматься нормотворчеством. У нас есть большая Дума, которая имеет определенные интересы, люди за них голосовали, имеет определенные полномочия. Я написал на ОРВ свое мнение, но его не засчитали. У меня нет ресурсов повлиять на чиновника, который мое мнение не учел, а у депутата есть. У нас получалась некая дискредитация Госдумы, которая привела к тому, что мы сейчас создаем Открытое Правительство, вовлекаем всех бабушек из Ростовской области в нормотворчество, какие-то общественные организации пытаются отжать у бизнеса деньги, чтобы за их интересы и под хорошие бюджеты, очень классно, когда представитель организации сначала говорил про независимость, а потом, когда надо, озвучил большой бюджет и сидел кивал. Это какая-то действительно такая виртуальность, про которую говорил представитель «Деловой России», с которой мы все-таки, наверное, должны что-то делать. Я очень надеюсь, что «Народный фронт» нам в этом плане, в плане поставки новых кадров в Госдуму, то есть не талантливых спортсменов, артистов и певцов, а тех людей, которые будут честно защищать кто-то бизнес, партию от бизнеса, кто-то народ, кто-то какие-то отдельные группы населения, и этот плюрализм позволит профессиональным людям, которые ответственны за свои слова и действия, которых вдруг не переизберут, высказывать обоснованное и задокументированное мнение. Вот такая небольшая у меня реплика.

А насчет открытой площадки по ОРВ – это действительно великолепное достижение, поскольку в эконометрике – Минэнерго создало общественный совет одной из последних. Доступ был очень важен, сейчас более-менее открыт. Спасибо.

[02:15:13]

Сушинский С.: Короткий комментарий про Думу. Я далек от мысли, что вы нам предлагаете на выборы в следующий состав Думы, чтобы в Думу прошли только те люди, которые в состоянии принимать качественные законы. Вы, наверное, говорите о взаимодействии с текущим составом, да?

Реплика: Как я понял, мы говорим о моделях, которые будут построены, а не о том плохом, которое существует сейчас. Вы про фарму говорили много интересных хороших моментов, которые сводились к тому, что фарма сейчас действует, как глотание лоскутного одеяла: есть поручение, которое забросили наверх, внизу его встретили и наконец протолкнули. Эта модель хорошая, но она не позволяет строить большую, долгую и длинную стратегию. Вам с точки зрения специалиста по взаимодействию с органами власти такая модель очень классно у вас будет всегда работать. Но с точки зрения крайне сильного и мощного государства это неправильно.

Сушинский С.: Вы не правы. Моя работа меряется не количеством работы, а результатом, поэтому джигарщики как раз в меньшей степени заинтересованы в ментальности, они заинтересованы в работе, которая позволяет прийти своим акционерам к решению задачи.

Круглый стол №3.

«Лоббизм в несырьевых секторах экономики: как есть и как должно быть»

А насчет Думы знаете как? В вашей позиции, наверное, есть возможность сделать опрос среди джиарщиков, спросить их, какая часть из них идет и пытается решать свои вопросы через Думу, а какая через ФОИВ, а потом ответьте на вопрос, почему.

Реплика: Вы говорите про сегодня, я говорю про завтра. Сегодня органы госвласти, исполнительная власть в регионах – это вообще отдельная песня. Понятно, что на уровне текущего законодательства все делается там, но на уровне законов или больших правил игры, безусловно, Госдума, РСПП – это разные уровни, о которых говорил товарищ из Аналитического центра Правительства.

Толмачева И.В.: Я вам рекомендую не переживать за Государственную Думу, там все в порядке.

Реплика: Я не переживаю.

Баширов М.Ф.: По сути дела, только сейчас начали раскрывать тематику.

Реплика: У нас просто так устроено. Вы правильно говорите. Как сейчас Госдуму называют, «бешеный принтер»? Не потому что там сидят не специалисты. У нас, к сожалению, так устроено регулирование, что редко принимаются законы прямого действия. К каждому закону помимо еще перечень НПА и с какими сроками. То есть весь этот дьявол о чем говорит: «Иван, оно там». И поэтому оттого, что у нас будут более активными депутаты, проблема не решится. Пока у нас устроен весь процесс изменений в законодательстве НПА так, что ключевые точки находятся в и в АП и Правительстве, неважно какого качества депутаты, бессмысленно менять. Надо ли менять этот механизм? Спорный вопрос, потому что, на наш взгляд, он достаточно эффективный, и то, что сейчас эти две площадки обсуждают... Роль Госдумы надо обсуждать.

Савельев П.: Здравствуйте. Савельев Павел, замдиректора НИИ генетики «Россельхозакадемии», Санкт-Петербург. Вопрос предыдущему докладчику и организаторам. Цель нашей научной организации и вообще научной организации по нашему представлению – научное сопровождение государственных программ, и когда в отрасли, в частности животноводства, сталкиваемся с лоббизмом иностранных компаний, мы хотим противодействовать. Мы столкнулись и с созданием дорожных карт, и рабочих групп в Таможенном союзе, и вопросы: каковы здесь правила игры для науки? То есть каким образом наука может в полной мере реализовать свою функцию научного сопровождения госпрограмм, чтобы ее экспертное мнение ее было услышано, и заведомо ложные или коммерческие решения, в какой-то степени нарушающие суверенитет, может быть, не были утверждены на государственном уровне?

[02:20:07]

Толмачева И.В.: Давайте я отвечу на ваш вопрос. Выход один для науки. Такие люди, как вы, должны еще надевать галстук, отращивать зубы и идти в органы государственной власти.

Реплика: Грызть бизнес.

Толмачева И.В.: Да, то есть наука должна становиться бизнесом. К сожалению, дело тоже в лидерстве, как сегодня говорил Николай, что когда есть лидер, то есть движение, когда нет лидера, структура рассыпается на глазах.

Круглый стол №3.

«Лоббизм в несырьевых секторах экономики: как есть и как должно быть»

Реплика: То, что вы говорите – это не лоббизм, а чистая политика. У вас есть политические взгляды, которые вы хотите отстаивать с помощью каких-то инструментов. Это вообще не лоббизм. Даже непонятно. Вы, по-моему, «Народный фронт».

Толмачева И.В.: Давайте еще вопрос от девушки.

Толчевская О.: [02:21:19] Меня зовут Ольга Толчевская, я изобретатель и основатель стартапа. Наш форум посвящен выходу из сырьевого тупика нашей экономики, и вчера на открытии Евгений Максимович Примаков сказал, что прорыв в экономике может быть осуществлен только крупными компаниями, и это обеспечит рост промышленного производства, о необходимости которого так много говорится сейчас. Хочу отметить, что в прошлом году был отмечен большой рост промышленного производства в США, и это, на мой взгляд, по тому, как я изучала рынок интеллектуальной собственности, произошло за счет того, что очень сильная активность наблюдалась в 2012 году на рынке интеллектуальной собственности США. Было приобретено лицензий на производство товаров народного потребления более чем на несколько десятков миллиардов долларов. В нашей стране такой рынок отсутствует вообще. У нас есть лицензирование фармацевтической отрасли, есть лицензирование в IT, других технологиях, а в товарах народного потребления лицензирования у нас нет. Почему? Потому что бизнес не заинтересован в производстве инновационной продукции. Он не заинтересован потому, что он не получает никакой выгоды от государства, никакой законодательной и налоговой поддержки у него нет, поэтому у нас делают инкубаторы, технопарки, кластеры, стартапы. Мне, как изобретателю, пришлось организовать стартап, меня загоняют в инкубатор, чтобы из страусиного яйца попытаться сделать маленького цыпленка. Это совершенно нереально.

У меня есть ряд предложений, но куда мне надо идти с этими предложениями? Потому что это реально многомиллиардная прибыль и для государства, и для бизнеса.

Толмачева И.В.: Мы вам поможем.

Толчевская О.: Я к вам приду.

Толмачева И.В.: Приходите. Но вы уже все обедом рискуете, имейте в виду.

Рахов Е.: Добрый день. Рахов Евгений, МГИМО. Многое обсудили сегодня про ситуацию на федеральном уровне, и вот коллега затронул международный, но ответа не получил. Во-первых, я хотел возразить. Вы сказали, что МИД, в принципе, не заинтересован. Сейчас МИД заинтересован в продвижении крупного бизнеса. Я хотел узнать, как заинтересован этот бизнес в выходе на внешние рынки, какие есть механизмы и какие есть проблемы в этой области? Можно коротко. Но интереса, по крайней мере, я не увидел.

Иван: А вы спрашиваете про бизнес вообще? Какой именно?

Рахов Е.: Я думаю, в основном, заинтересован крупный, и средний, в частности.

Иван: В стране достаточно много экспортно-ориентированных компаний. Мы, несмотря на то, что немецкая компания, имеем производство в том числе в России. Мы пытались использовать механизм торговых представительств в Российской Федерации для выхода в те страны, где нас нет. Впечатления крайне негативные. Были честные люди, которые, честно слушая, встречались, потом говорили: «Слушайте, извините, ребята, вы не нефть».

Когда будете нефтью торговать – приходите». Были даже [нрзб] [02:25:50], на которых мы убили кучу времени, но с тем же нулевым результатом. В принципе, если сейчас говорить о поддержке через систему торгов, она декларируется, мы это знаем, потому пошли. Эффект его по крайней мере в части фармацевтики – нулевой, если не говорить отрицательный, потому что происходит разрушение светлой веры в способность механизмов государственного управления.

[02:26:20]

Звоним в посольство. К послу приходите с коммерческими вопросами – извините, путать принципиально разные вещи. В некоторых странах у нас были кейсы, когда мы пытались влиять на результаты парламентских выборов. Это да, это через посла, и это нормально. В марте, например, было выборы в Сербии, у нас там крупный завод, и это другая тема совсем. Здесь было сказано, что есть политика, но есть и бизнес. Давайте политику сейчас не трогать. Это слишком индивидуальный случай для каждой компании. В остальном, частные компании, которые в России имеют хорошее производство, все заинтересованы в открытии новых географических рынков.

Вопрос из зала: Владимир Аникович, «Медиа-холдинг Регионы России». Николай, можно ли на базе властей конкретно обсудить такую идею: «Деловая Россия» формирует мировоззренческие установки, если брать конкретно промышленную политику, и идеологические моменты, например, система бережливого производства (примерно Братский алюминиевый завод), или стратегический менеджмент (пример «Северсталь»), или метод [нрзб] [02:27:43] организации рабочих мест корпорация дает. То есть вы формируете мировоззренческие установки и так далее.

Теперь что делать? Скажем о политике. Конкретно госкорпорация «Ростех» и «Союз машиностроителей России» уже второй год проводят форум «Инженеры будущего», и там есть региональные отделения. И у вас есть региональные отделения. Я, представитель среднего бизнеса выражаю интересы. Поэтому на базе таких, как «Деловая Россия», «Опора России», РСПП можно все-таки таким путем идти: вы формируете принципы, методологию, которую инсталлируете на региональный уровень, то есть вы формируете, по каким правилам можно играть в промышленной политике, и так далее.

Остарков Н.А.: Смотрите, можно просто зайти на наш сайт, наша идеология там давным-давно изложена, за последнее время она не менялась. Мы ее инкорпорируем по-другому: через послание Федеральному Собранию, на всякий случай. Нас идеология – 25 млн высокопроизводительных рабочих мест, и так далее. То есть концентрация нашего подхода заключается в том, что при существующей системе производства или тех рабочих мест мы не можем генерировать соответствующую добавленную стоимость, которая бы позволяла нам жить достойно. Это все изложено, и это является сейчас в какой-то мере государственной политикой, поэтому куда еще выше? Мы просто по-другому действуем: мы заходим на самый высокий уровень, транслируем это оттуда. Но проблема с внедрением промышленной политики не решается даже при соответствующей установке первого лица о смене приоритетов. Но это очень длинный разговор. Две фразы. Первое: мы не понимаем страны, в которой мы здесь живем, и все, что я слышал – это первый-второй курс студенческого университета. Поскольку мы не понимаем, где мы живем, мы не понимаем, как менять, как перейти от одной парадигмы к другой.

[02:30:23]

Круглый стол №3.

«Лоббизм в несырьевых секторах экономики: как есть и как должно быть»

Вопрос из зала: В этом контексте работы с аналитическими сообществами и диагностика того, что есть, и куда мы хотим прийти, насколько вас есть взаимодействие с аналитическими сообществами по промышленной политике?

Остарков Н.А.: Все наше аналитическое сообщество, я здесь в кулуарах со всем народом общаюсь...

Вопрос из зала: Сами не знают?

Остарков Н.А.: ...это детский сад, вторая ясельная группа, понимаете? Так случилось с нашей наукой. Они даже не понимают реальности, в которой мы находимся, и не хотят ей заниматься: ни исследованием, ни пониманием ее, и так далее.

[02:30:58] То есть в этом смысле, когда нам что-то нужно понять, например, в кредитной политике, по поводу курсовой политике, в налоговой схеме и так далее, мы штучно выбираем экспертов, по полгода работаем в хорошем режиме, находим лучших, или как там у нас [нрзб] [02:31:19] делает: он берет лучших в мире, приглашает, и тогда с помощью мозгового штурма мы понимаем, что нужно делать в той же налоговой системе, что нужно сделать с нашими тарифами. У нас лет 5-7 назад вот такие талмуды написаны, и что делать мы знаем по всем направлениям. Нам никакая особая экспертная позиция не нужна, мы знаем в деталях что делать. Вопрос в том, что у нас революция перехода к рыночной экономике не состоялась, мы еще не у власти просто, мы субъекты не у власти, мы один маленький сектор экономики, и у нас нет таких возможностей. Когда-то вырастет средний класс, когда-то в Парламенте будет своя партия, мы введем, как субъектные возможности уже серьезного влияния на наше Правительство, системно, стратегически, тогда мы все это будем внедрять. Но надо переждать.

Реплика: Если вы будете работать в Союзе машиностроителей России, то чиновники будут директивно исполнять те наработки, которые вы будете...

Остарков Н.А.: Понимаете, очень классный вопрос. Мы все пытаемся найти некую технологическую штучку, мы думаем, что с помощью железа можно поменять общественные отношения. Общественные отношения технологиями не меняются быстро. Они медленно меняются, но с помощью Интернета не меняется общественное отношение быстро. Толку, что вы включаете эти программы и так далее? Есть больше 500 законопроектов, которые принимает Дума, они тоже не меняются, просто если было 5 законопроектов, их можно принять, а 500 – это гиперреальность. Любой предприниматель вам скажет, что «Я не могу прочитать 500 законов, которые за год принимаются». Это не принятие законов, это попытка спрятать дерево в лесу. За этим частоколом законов мы уже просто ничего не видим, не видим реальности давно, ни наши аналитики, ни академики, которые здесь выступают. Мы живем в системе рентной экономики.

Реплика: Николай, нарисуйте картинку и показывайте ее всем.

Остарков Н.А.: Организаторы, я давал свой доклад сюда с претензией выступить на пленарке.

Реплика: Где доклад?

Остарков Н.А.: Не дали выступить. Ну, что сделать? Дали на другую тему. В принципе, у нас все это есть, у нас наши люди есть в Правительстве сейчас, есть люди в Думе, есть люди, которые целое министерство начинают возглавлять, то есть идет смена, идут наши

Круглый стол №3.

«Лоббизм в несырьевых секторах экономики: как есть и как должно быть»

люди, которые по-другому мыслят. Скоро вы все это увидите, кадровый вопрос и так далее. Просто люди с другими мозгами, другим менталитетом, другим представлением о том, как устроена жизнь, система общественных отношений и как ее нужно менять. Их мало, но они есть.

Реплика: Спасибо, Николай.

Толмачева И.В.: Есть еще какие-то вопросы? Все исчерпано, и тогда я подвожу некоторые итоги.

Мы с вами замечательно поговорили. Надеюсь, что наша последующая совместная деятельность будет эффективна. Хочу отметить, что я соглашусь с коллегами: Открытое Правительство – это необходимый институт, он будет разеваться, в том числе с нашей поддержкой. Очевидно, что тема лоббизма, она широка, глубока и неисчерпаема. Почему? Потому что она в тематике бизнеса и власти. С бизнесом у всех сложно, и власть сложная, а лоббизм на пересечении усложняется как минимум в два раза. Спасибо за участие. Приходите на следующий форум, который будет в следующем году.

[02:35:56] [Конец записи]